

Л.К. Филиппов

**ХУННИЗМЫ
В ЧУВАШСКОМ
И ДРУГИХ
ЯЗЫКАХ МИРА**

Леонид Филиппов

**Хуннизмы в чувашском
и других языках мира**

«Издательские решения»

Филиппов Л. К.

Хуннизмы в чувашском и других языках мира /
Л. К. Филиппов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557328-5

Хуннизмы в чувашском и других языках мира. Историко-лингвистическое
исследование. Научная книга.

ISBN 978-5-00-557328-5

© Филиппов Л. К.
© Издательские решения

Содержание

ISBN	6
Обобщённо осмысливая	7
Введение	9
Глава 1	13
1.4. Прародина хуннов	17
1.5. Создание Хуннской державы	18
1.6. Образование хуннского языка	19
1.7. Основной язык Хуннской державы	20
Глава 2	27
2.2. Хуннизмы в древнекитайском языке	29
2.3. Хуннизмы в монгольском языке	30
2.4. Хуннизмы в эвенкийском (тунгусском) языке	32
2.5. Хуннизмы в древнетюркском языке	34
Глава 3	35
3.2. Хуннизмы в хантыйском языке	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Хуннизмы в чувашском и других языках мира

Леонид Клавдиевич Филиппов

© Леонид Клавдиевич Филиппов, 2021

ISBN 978-5-0055-7328-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Л. К. Филиппов

**Хуннизмы в чувашском
и других языках мира**
Историко- географическое
и лингвистическое исследование

Саратов
«Научная книга»
2020

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. М. Молодкин*,
доктор исторических наук, профессор *А. Н. Донин*

Филиппов Л. К.

Хуннизмы в чувашском и других языках мира. Историко-географическое и лингвистическое исследование: [монография] / Л. К. Филиппов. – Саратов: Научная книга, 2020. – с.

ISBN

В книге впервые в науке предпринята попытка выявить хуннизмы – хуннские лексические единицы, фонетические и словообразовательные элементы – в чувашском и некоторых языках Северо-Восточной Азии (включая Сибирь и Крайний Север), Средней Азии, Северного Кавказа, Восточного Закавказья и Европы.

Для специалистов в области языковых контактов, исторической лексикологии и фонетики, а также интересующихся взаимодействием, взаимовлиянием, взаимообогащением языков.

Обобщённо осмысливая

Настоящее исследование, выражаясь языком математики, – уравнение с несколькими неизвестными, ибо лексика хуннского, гуннского языка не отражена в словарях, фонетический строй не описан, система грамматических норм не разработана; сверх того, в науке нет единства мнений в определении хуннского, гуннского языка. Несмотря на это, его автор взял на себя масштабную задачу выявить хуннизмы, гуннизмы в чувашском и некоторых других языках мира. Выполнение её в ситуации, когда о хуннском, гуннском языке мало что известно, кажется, заведомо бессмысленное занятие. Между тем, читая монографию, неуклонно укрепляешься во мнении, что тема её заслуживает должного внимания и имеет научную перспективу. В ней предпочтение отдано панорамным обзорам, охватывающим огромные время (отправная точка III тыс. до н.э.) и пространство (от географического востока Земли до запада), что, собственно, продиктовано темой монографии.

Тема и цель исследования предопределили изложение этногенеза и этнической истории восточно-азиатских хуннов, их предков и потомков в общих чертах. Сведения историко-географического характера рассматриваются в неразрывной связи с лингвистическими и наоборот.

Используя методы лингвистического, исторического, географического анализа, автор приходит к непротиворечивым и достаточно хорошо аргументированным выводам, которые имеют под собой очевидную историко-географическую и лингвистическую основу, порой только отсутствие письменных свидетельств лишает их абсолютной достоверности.

Представляется вполне соответствующим действительности возведение предполагаемого самоназвания хуннов, гуннов к словосочетанию **сы *р/*är*: кит. *сы* – название племени, др.-тюрк. **р/*är* – «человек; люди», т.е. «сы человек; сы люди», а *сы *р/*är* – к словосочетанию **сы жень*: кит. *сы* – название племени, кит. *жень* – «человек; люди», т.е. «сы человек; сы люди», на основе которого образовалось сложное слово со вставным звуком *[п/в]* **сытар/*сывар*, которое впоследствии стало употребляться как простое и в значении этнонима. Историко-географически и лингвистически объясняются также его фонетические варианты, возникшие в разные исторические эпохи на той или иной географической территории и сохранившиеся в греческих, латинских, арабских, армянских, сирийских и других письменных источниках, а также в фольклоре некоторых народов Западной Сибири: *савар, сытыр, сывыр, сыбыр, сибир, сипыр, сепыр, сапир, савир, сабир, сувар, сепер, сепир, севар, север, себёр, сябёр, супар, супра, себар, сопра, шабёр, сёныр, шатыр, сибыр, савыр, сирти (сирти, сирта), сирти-ма, сибер-та*, один из которых может максимально приближаться к реальному звучанию подлинного имени хуннов, гуннов. Лингвистическое толкование их не оставляет сомнения в том, что они действительно являются фонетическими вариантами этнонима *сытар/сывар* и распутывает их запутанное переплетение.

Условно хуннские, гуннские лексические единицы в исследовании представлены отдельными словами, этнонимами, топонимами, гидронимами, происхождение и значение которых рассматривается на широком историко-географическом фоне, а это – задача не из лёгких, ибо этимология слов требует учёта не только фонетических данных, семантических, словообразовательных сходжений и расхождений, фактов ареальной лингвистики и т.д., но и обстоятельств, не являющихся языковой сущностью. Автору удалось пролить свет на хуннский, гуннский язык и тем самым выявить отдельные хуннизмы, гуннизмы в чувашском и некоторых других языках мира. Предложенные их этимологии открывают большие возможности новой этимологической и семасиологической интерпретации уже известных хуннских, гуннских слов.

В результате системного выявления хуннизмов, гуннизмов в ряде языков мира автор логически обоснованно приходит к суммирующему заключению, что хуннский язык по своему

происхождению восходит к дунхускому (пратюркскому) языку, что он не есть древнетюркский язык, что чувашский язык генетически связан с хуннским, представляет собой отдельную ветвь алтайских языков и является надёжным ориентиром в поиске хуннизмов, гуннизмов в других языках мира, подтверждение тому – настоящее исследование.

Нельзя не заметить своеобразие языка монографии. Он отличается от обычного сухого стиля лингвистического текста приближённостью к устному повествованию. Это, скорее, достоинство, чем недостаток, тем более что монография Л. К. Филиппова соединяет в себе важное свойство филологического труда: научность и популярность. Писать просто о сложных вещах – это большое искусство.

Внушительен список использованной литературы – 297 названий.

Разумеется, как и всякий научный труд на сложную и мало разработанную тему, данное исследование не может претендовать на полное и окончательное решение поставленной в нём проблемы. Отдельные сопоставления и объяснения, выдвинутые его автором, представляются маловероятными, главным образом в силу фонетических несоответствий (например, возведение славянского этнонима *сéвер* к гуннскому *саві́р* – гл. 8 §8.2), а иногда – с точки зрения семантики (например, возведение славянского слова *хмель* через посредство чувашского *хймла* «хмель» к гуннскому **кáмос* «хмельной напиток» – гл. 9 §9.8). Остаются неясными и некоторые другие положения. Они нуждаются в специальных исследованиях, которые позволят уточнить, подтвердить или отрицать те выводы, которые носят предварительный характер и которые сделаются аксиомами только тогда, когда лингвистика окончательно объяснит все нуждающиеся в уточнениях, быть может, в новых толкованиях известные науке хуннские, гуннские слова. Впрочем, автор далёк от мысли, что его взгляды решают проблему полностью, окончательно и бесповоротно, ибо знает, что перед тем как гипотеза превратится в общепризнанную концепцию, она должна собрать полный комплект всех возможных доказательств. (В отношении знания о прошлом, к тому же столь отдалённом от нас, ничего нельзя утверждать однозначно).

Необходимым дополнением к книге являются два приложения, в первом из них на повестку дня поставлена задача исследования чувашско-китайских лексических соответствий, во втором — древнейших истоков чувашской государственности.

Настоящая монография – масштабное и глубокое исследование, она – достойный подарок столетию Чувашской автономной области.

А.А.Зарайский, доктор филологических наук, профессор, действительный член Национального общества прикладной лингвистики (МГУ, Москва, РФ)

Введение

Настоящее исследование является опытом синтеза сведений по истории, исторической географии и лингвистике, содержащихся в опубликованных книгах автора, посвящённых предыстории чувашского народа и его языка [Филиппов, 2008; Он же: 2009; Он же: 2010; Он же: 2012; Он же: 2014; Он же: 2018]. В его основе лежат общие для указанных работ положения. Поскольку они чрезвычайно важны для адекватного понимания анализируемого на последующих страницах монографии историко-географического и лингвистического материала, кратко изложим их здесь.

* * *

Хунны – один из древнейших восточно-азиатских народов; в китайской истории они известны под названием *хунну* или *сюнну*. Первое из них представляет собой старое чтение (произношение) китайских иероглифов, обозначающих чужеземное название, второе – современное [Кюнер, 1961, с. 25]. В данной книге предпочтение отдано фонетическому варианту *хунну*. В научной литературе на русском языке этноним *хунну* изменён на *хунны*, который принято склонять, а прилагательные, образованные от него, употреблять в форме *хуннский* (-ая, -ое, -ие).

Название *хунну*, согласно Цзи Юну, появилось в Китае в IV—III вв. до н.э. [Цзи Юн, 1956, с. 95]. Относительно его происхождения и значения нет единства мнений. Так, основоположник русского китаеведения Н. Я. Бичурин (1777—1853; Россия) считает, что оно – «древнее народное имя монголов» [Бичурин, 1953, т. 1, с. 39, прим. 1]. И поясняет: «Китайцы, при голосовом переложении сего слова на свой язык, употребили две буквы: *Хун* злый, *ну* невольник. Но монгольское слово Хунну есть собственное имя, и значения китайских букв не имеет» [Там же]. Другие этимологии этнонима *хунну* см. [Deguignes, 1756—1758, v. 2, p. 13; Rémusat, 1820, p. 8—9; Neumann, 1847, S. 26; Erdman, 1862, S. 112; Vambery, 1882, S. 43; Tomashek, 1888; Cahun, 1895, p. 46; Иностранцев, 1926, с. 15—16, 38—39, 90—91; Окладников, 1956, с. 91—92; Кузнецов, 1957, с. 126; Каховский, 1965, с. 126 и др.]. Обзорно они рассмотрены в одной из работ автора данной книги [Филиппов, 2014, с. 19—20].

В 15 г. н.э. посланники китайского Двора предложили *шаньюю* – верховному вождю хуннского общества — переменить наименование *хунну* «злый невольник» (Н. Я. Бичурин) на *гунну*, что в переводе с китайского означает «почтительный невольник» [Бань Гу, 1973, с. 62]. В то время в Китае правил император Ван Ман (9—23 гг.), который «название (древнекорейского государства. – Л. Ф.) Когурё (Высокое Курё) переменял на Хагурё (Низкое Курё), а с тех пор его правителя низвёл до ранга ху (вместо вана)» [Джарылгасинова, 1979, с. 126; 1972, с. 56—62]. Эти переименования были продиктованы, скорее всего, политическими мотивами. Вероятно, ими же руководствовались посланники китайского Двора, предлагая хуннскому шаньюю переменить наименование *хунну* на *гунну*. Он же, глядя на дорогие китайские подарки, «притворно» принял их предложение, но переменять *подлинное* имя своего народа на китайское название и не помышлял [Там же], о чём красноречиво свидетельствует значение слова *притворно*, т.е. ложно, фальшиво, лицемерно. «Мы, – пишет К. А. Иностранцев (1876—1941; Россия, СССР), – не можем придавать этому переименованию большого значения, потому что имя Хунну нисколько не дальше, если не ближе к имени знаменитого народа Аттилы, чем Гунну» [Иностранцев, 1926, с. 31, прим.].

Впоследствии наименование *гунну* стало широко известно в Европе. По аналогии с *хунну* оно в научной литературе на русском языке изменено на *гунны*, склоняется, прилагательные же, образованные от него, употребляются в форме *гуннский* (-ая, -ое, -ие).

* * *

Одни исследователи отождествляют хуннов и гуннов, другие различают их. К. Г. Менгес (1908—1999; Германия, США) убеждён, что «хунну в Китае по меньшей мере близкие родственники и предки гуннов на западе» [Менгес, 1979, с. 34]. Современный китайский историк Юй Тайшань считает, что гунны произошли от мигрировавших на запад сяньбийцев [цит. по: Григорьев, 2012, с. 24, 53]. (Использование так называемой двуступенчатой системы отсылочных сносок здесь и на последующих страницах данной книги продиктовано недоступностью автору того или иного исследования.) В приведённой цитате Юй Тайшаня под *мигрировавшими на запад сяньбийцами* скрываются не собственно сяньбийцы. А кто? Известно, что в конце I в. н.э. «свыше 100 тыс. юрт» северных хуннов (примерно 700 тыс. человек) подчинилось сяньбийцам и приняло их имя (гл. 2 §2.3) [цит. по: Материалы по истории сюнну..., 1973, с. 153; см. также Бичурин, 1950, т. 1, с. 150—151]. В 70-х гг. IV в. часть из них ушла на запад – в степи Южного Приуралья, оттуда вместе с другими соплеменниками – в Европу. Принимая во внимание сказанное, с большой долей вероятности можно утверждать, что под *мигрировавшими на запад сяньбийцами* скрываются северные хунны, принявшие имя *сяньби* и длительное время находившиеся в зависимости от сяньбийцев (гл. 10 §10.3). В наше время в Китае гипотеза родства гуннов с хуннами является преобладающей.

* * *

Подлинное имя хуннов, гуннов неизвестно. Вопрос о нём в науке освещался крайне недостаточно и не получил сколько-нибудь удовлетворительного решения. Наши разыскания в этой области позволяют полагать, что хунны, гунны сами себя называли **сытар/*сывар* (звёздочка * перед словом указывает на то, что речь идёт о форме, не засвидетельствованной и восстанавливаемой индуктивно) и что их подлинное имя этимологически восходит к китайскому **сыжень* «сы человек, сы люди» (*сы* – название племени, *жень* – «человек») [Филиппов, 2008, с. 24—27; Он же: 2014, с. 20—26; Он же: 2018, с. 62—69].

* * *

Этническая принадлежность хуннов – вопрос спорный в науке [Филиппов, 2014, с. 17—18; Он же: 2018, с. 58—60]. Их идентифицировали с монголами, финнами, кетами (енисейскими остяками), иранцами. Высказывались также мнения, что хунны представляли собой смесь тюрков и монголов, монголов и тунгусов, тюрков, монголов, тунгусов и финнов. Наиболее распространённой является гипотеза, согласно которой хунны были тюрками. Но они не были тюрками, ибо древние тюрки возникли после того, как хунны перестали вести активную историческую жизнь (гл. 1 §1.9). Хунны были хуннами. Они «сделались» тюрками, когда термин *тюрк* (тюркологи истолковывают его как «твёрдый; крепкий; сильный») стал наименованием языковой семьи. (Обстоятельный анализ существующих в науке мнений о происхождении хуннов, гуннов и о взаимоотношениях между ними по состоянию на середину 20-х гг. XX в. дан К. А. Иностранцевым [Иностранцев, 1926], а по состоянию на сегодняшний день – Е. М. Григорьевым [Григорьев, 2012, с. 3—58], объёмная статья которого завершается обширным списком литературы.)

* * *

Нет единого мнения и по вопросу, кто исторические потомки хуннов (какой этнос или какие этносы). Согласно одному из существующих предположений, ими являются чуваша. Так считали, например, историк-востоковед и этнограф Н. А. Аристов (1847—1910; Россия), востоковед, тюрколог и арабист В. В. Бартольд (1869—1930; Россия, СССР), который писал: чуваша – остатки «того первого по времени переселенческого движения из Средней Азии в Европу, главными представителями которого были хунны» [Академик Бартольд, 1968, т. 5, с. 456]. Если это так, заключает В. В. Бартольд, историческими предками чувашей «придётся признать хуннов, выступающих в истории Китая в III в. до н.э.» [Там же].

Непосредственными предками чувашей являются волжские сувары, они – потомки кавказских, европейских гуннов, последние – прямые потомки восточно-азиатских хуннов,

из чего логически вытекает, что чувашаи – далёкие потомки потомков восточно-азиатских хуннов [Филиппов, 2018].

* * *

Дискуссионным в науке является и вопрос о лингвистической принадлежности хуннов. Хуннский язык связывали с кетским, древнетюркским, монгольским. По мнению П. Пельо (1878—1945; Франция), он включал в себя языковые элементы более древнего слоя, чем тюркский и монгольский языки [Pelliot, 1930, vol. 26]. Г. Дёрфер (1920—2003; Германия, ФРГ) утверждал, что «язык сюнну (хуннов. – Л.Ф.) не был ни тюркским, ни монгольским» и что он, вероятно, представлял собой вымерший изолированный язык [Дёрфер, 1986 вып. 1, с. 77]. Есть и другие гипотезы. Существует, например, предположение, что хунны говорили на языке-предке чувашского языка. Специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии Н. Н. Поппе (1897—1991; США) называет его *чувашско-тюрецкий* (т.е. чувашско-тюркский) *пра-язык* или *дотюрецкий* (т.е. дотюркский) [Поппе, 1925, т. 18, с. 426]. Он пишет: «Чувашский язык восходит не к пра-тюрецкому (древнетюркскому. – Л.Ф.) ... но к одному предку с пра-тюрецким языком. Этот чувашско-тюрецкий... праязык является гораздо более древним, чем пра-тюрецкий язык, и самым правильным названием для него будет «дотюрецкий» (дотюркский. – Л.Ф.)» [Там же].

Сопоставляя суждения Н. Н. Поппе о «чувашско-тюрецком» языке с историческими фактами, В. В. Бартольд пришёл к выводу, что «чувашско-тюркский (по терминологии Н. Н. Поппе, *чувашско-тюрецкий* – Л.Ф.) праязык был языком хуннов» [Академик Бартольд, 1968, т. 5, с. 579]. Согласно ему, «предки чувашей пришли в Европу до прибытия настоящих турок (тюрк. – Л.Ф.), т.е. турок VI в.» [Там же. С.198]. «При таких условиях, – рассуждает В. В. Бартольд, – возможно, что языком хуннов, вопреки мнению Пельо, был не монгольский, а тот язык, от которого происходит чувашский» [Там же]. Предок чувашского языка (по терминологии Н. Н. Поппе, *до-тюрецкий* или *дотюркский*), как он полагает, не был турецким (тюркским) в том смысле, как теперь понимают это слово, т.е. не тем языком, на котором говорят все турецкие (тюркские) народности, кроме якутов и чувашей [Там же. С.38]. Развивая свою мысль, В. В. Бартольд пишет: «Этот язык (предок чувашского. – Л.Ф.), вероятно, был принесён хуннами далеко на запад, и остатки его имеются во всех языках, прямо или косвенно связанных с движением хуннов, до турецких элементов в венгерском языке включительно» [Там же]. Забегая вперёд, скажем, что настоящее исследование полностью подтверждает его правоту.

Повторимся, на сегодня нет единства мнений в определении хуннского языка. В этой связи Й. Бенцинг (1913—2001; Германия, ФРГ) пишет: «До тех пор, пока мы не можем связать гуннские (и хуннские. – Л. Ф.) слова, добытые из китайских (речь идёт о хуннских словах. – Л. Ф.) и европейских (речь идёт о гуннских словах. – Л. Ф.) источников, с определенными составными частями гуннов (и хуннов. – Л. Ф.), все попытки высказываться по поводу языковой принадлежности „гуннов“ (и хуннов. – Л. Ф.) следует рассматривать как обреченные на неудачу» [Бенцинг, 1986, с. 12]. И это так.

* * *

Во второй половине II в. н.э. северных хуннов окончательно разбили сяньбийцы. Тогда одни из них из Северной Монголии ушли в Верховье Оби, продвигаясь вдоль Оби и Томи, затем по Иртышу и Нижней Оби, дошли до полуострова Ямал [Филиппов, 2008, с. 34—48; Он же: 2010, с. 50—77; Он же: 2014, с. 75—111]; другие направились в сторону Средней Азии и в Южное Приуралье, оттуда – на Северный Кавказ и в Европу. На новых землях обитания хуннов и их потомков появились новые фонетические варианты их подлинного имени, а именно: *савар, сътыр, сывыр, сыбыр, сибир, ситыр, сепыр, сатир, савир, сабир, сувар, сепер, сепир, севар, север, себёр, сябёр, сунар, супра, себар, сопра, шабёр, сёпыр, шапыр, сыбыр, савыр, сирти/ширти/ширтя, сирти-ма, сибер-та*. Искажённые формы этнонимов, топонимов, других слов, если говорить обобщённо, «возникают в процессе фонетической адаптации ино-

язычного слова, в результате которой происходит замена непривычных звуков чужого языка похожими своими (субституция), выпадение звуков или сочетаний, трудных для произношения (гаплогия), переосмысливание незнакомого слова (ложная этимология)» [Дульзон, 1959, с. 37]. Так самоназвание хуннов, гуннов получило широкое географическое распространение. Его приведённые фонетические варианты зафиксированы на страницах древнегреческих, латинских, арабских, чешских, русских и других письменных памятников, а также в фольклоре некоторых народов Западной Сибири и Крайнего Севера [Филиппов, 2014, с. 20—26, 75—76, 85—88, 142—143, 160, 176—179, 181—186, 192—194, 197—200, 270—272 и послед.]. Это подтверждает реальность их функционирования в тот или иной исторический период на той или иной географической территории. Лингвистический анализ фонетических вариантов подлинного имени хуннов, гуннов распутывает запутанное их переплетение.

* * *

Едва ли погрешим против истины, если скажем, что чувашский язык сохранил энное количество хуннизмов. Сохранили их и те языки, которые испытывали заметное влияние хуннского, гуннского. Об отдельных из них по поводу чего-то другого писали отечественные и зарубежные учёные (гл. 1 §10). Но системному исследованию они ещё не подвергались – отчасти по той причине, что до сих пор известно очень мало о хуннском, гуннском языке.

В монографии предпринята попытка выявить хуннизмы в чувашском и некоторых языках Северо-Восточной Азии (включая Сибирь и Крайний Север), Средней Азии, Северного Кавказа, Восточного Закавказья и Европы. Возможность наличия их в том или ином языке, кроме собственных историко-этимологических разысканий, подкрепляется историческими сведениями и лингвистическими данными, извлечёнными из научных работ отечественных и зарубежных авторов, имеющих прямое или косвенное отношение к предмету данного исследования. Поскольку лингвистическая принадлежность хуннизмов с исключаяющей сомнение точностью не установлена, они рассматриваются как *условно хуннские, гуннские*. Разделяя мнение, что чувашский язык генетически связан с хуннским, гуннским, автор при толковании предполагаемых хуннизмов, гуннизмов систематически обращается к материалу чувашского языка и считает чувашский язык достаточно надёжным ориентиром в поиске хуннизмов, гуннизмов в других языках мира.

Данная книга написана в ключе «К постановке проблемы», ибо исследуемый в ней языковой материал минимален, что объясняется слабой разработанностью темы, объявленной в названии. Она представляет собой базу для дальнейшего исследования хуннских слов в языках мира. В её тексте систематически делаются отсылки на ранее опубликованные работы автора, посвящённые предыстории чувашского этноса и его языка, что позволило по возможности избежать нежелательных повторений, тем самым значительно сократить объём книги. Небольшие попутные замечания, взятые в круглые скобки, носят характер дополнительной информации, поясняющей, подкрепляющей предыдущую мысль.

Теперь перейдём к изложению основной части книги и начнём её с необходимого в плане настоящего исследования минимума сведений о древнейшей истории хуннов.

Глава 1

Из древнейшей истории хуннов

1.1. Предки хуннов

Предком хуннов, по данным китайских исторических хроник, был сын последнего императора царства (династии) Ся Цзе (Цзйе) по имени *Шуньвэй* (или *Сюнь Юй*) [Бичурин, 1950, т. 1, с. 39; Кюнер, 1961, с. 307]. Было ли такое царство в Древнем Китае? До недавнего времени одни исследователи утверждали, что его не было; другие считали, что оно имело место быть. В 2000 г. китайские учёные пришли к окончательному выводу, что царство Ся в Древнем Китае было и что с него начинается китайская цивилизация. Возникновение его относят к 2070 г. до н. э. Систематизировав упоминания о событиях периода Ся, содержащиеся в таких древнекитайских памятниках, как «Цзочжуань», «Гоюй» и «Чжушу», Сюй Сюэ-шэн попытался определить район, к которому относятся эти свидетельства. Выяснилось, что таких районов два: равнина близ Лояна в Хэнани (включая долину реки Иншуй, а также Дэнфэн и Юйсянь) и юго-западная часть Шэньси [цит. по: Сыма Цянь, 1972, т. 1, с. 253, прим.; см. также Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 153]. Основателем царства Ся считается Юй [Сыма Цянь, 1972, т. 1, с. 150—165]. Сыма Цянь (отец китайской истории: 135 или 145 г. до н.э. – после 96 г. до н.э.) сообщает, что он «носил (родовую. – Л. Ф.) фамилию Сы, но его потомкам были пожалованы земли в разных местах, и они названия владений сделали своими [родовыми] фамилиями. Так появились роды Ся-хоу, Ю-ху, Ю-нань... (всего перечисляется 13 родов. – Л. Ф.)» [Сыма Цянь, 1972, т. 1, с. 165]. Отпочкование от большого рода (племени) сы нескольких родственных родов или племён приводило, как утверждают Р. В. Вяткин и В. С. Таскин, к расширению власти господствующего рода [Вяткин, Таскин. Комментарий // Сыма Цянь, 1972, т. 1, с. 279].

Последним императором Ся был упомянутый выше Цзе (Цзйе). Его сверг правитель царства Шан по имени Тан. Он основал новую династию – династию Шан (Инь). Произошло это во II тысячелетии до н. э. Население Ся и военнопленных победители обратили в рабство. Часть разбитых войск Цзе (Цзйе), боясь быть перебитой, бежала за пределы своего царства. Оставил земли своих предков и наследник престола Ся Сюнь Юй (Шуньвэй), разумеется, со своей свитой, которая, согласно Г. Ю. Клапроту (1783—1835; Германия), состояла из пяти-сот человек [Клапрот, 1823]. В китайской истории говорится, что Сюнь Юй бежал «в Северную пустыню», т. е. в степи южной окраины Гоби. Надо полагать, и остальные беглецы скрылись в том же направлении. Другого пути у них не было: на востоке господствовали шанцы, на юге обитали исконные враги Ся – племена мяо, мань, на западе жили племена жун. Правда, северные земли тоже не были свободными, но они были слабозаселёнными. Там кочевали скотоводы-степняки, китайские исторические хроники называют их *дунху* «восточные варвары». Под этим именем скрываются разные по происхождению племена, обитавшие на северо-восток от Древнего Китая. Как они называли себя сами, науке неизвестно. С теми из них, которые обитали по соседству, беглецы из Ся, чтобы выжить, установили необходимые контакты и вместе с ними кочевали по безбрежной пустыне Гоби, всё дальше удаляясь от Китая. Во главе их стоял наследник престола *цивилизованного* царства Ся Сюнь Юй со своей свитой, а её представляли аристократы и аристократки – люди умные, образованные. И как таковые они не могли не оказать культурного влияния на *соседние* дунхуские племена, что позволило им занять важное место в их жизни. Первое упоминание о дунху относят к 307 г. до н.э. [Гумилёв, 1960, с. 251]. Тем не менее о них мало что известно, не говоря уже об их предках.

1.2. На каком языке говорили

беглецы из Ся и дунху

Беглецы из Ся в большинстве своём были люди из рода-племени сы. Напомним, родовую фамилию *Сы* носил и основатель царства Ся Юй. Одна из водных магистралей также именовалась *Сы*. Река с названием *Сы* упоминается в «Каталоге гор и морей (Шань хай цзин)» [Каталог гор и морей, 1977, с. 58, 79], сложение которого как целого сочинения предположительно датируется концом III – началом II в. до н. э. [цит. по: Каталог гор и морей, 1977, с. 16, предисл.]. Она локализуется в провинции Хэнань, в уезде Сышуй [Каталог гор и морей, 1977, с. 175; см. также с. 161, прим.] – провинции, откуда был родом Юй (о нём см. ниже) [Сыма Цянь, 1972, т. 1, с. 253, коммент.] и где издревле жили сы племена. Видно, они и дали ей название *Сы*, подчёркивая тем самым, что это *их* река. Быть может, так её называл другой, обитавший по соседству с племенами сы народ. Так или иначе, в древности название реки нередко совпадало с именем жившего на ней этноса. Примеры такого рода встречаются на разных территориях, в том числе географически отдалённых друг от друга.

По всей вероятности, река *Сы* иначе называлась *Сышуй*, к тому же в её бассейне жили тоже племена сы/сы и [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 245]. Гидроним *Сышуй* состоит из двух компонентов: *сы* (название племени) и *шуй*. Слово *шуй* в китайском языке имеет много значений, в том числе «вода; река» [Китайско-русский словарь, 1955, с. 530]. В таком случае, гидроним *Сышуй* означает «сы река», «река племени сы», как, впрочем, аналогичное по словообразовательной структуре *Хуайхэ* – «хуай река», «река племени хуай/хуай и», которое обитало в бассейне Хуайхэ [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 245; см. также с. 189, 191]. (*Хэ* у китайцев общеизвестно в смысле «река»; понятие *река* в китайском языке обозначается и словом *цзян*.)

Названия рек с *шуй* в составе обычны в Центральной равнине Китая, но они встречаются и в северных, и в южных, и в восточных его частях – например: *Байшуй*, *Вэйшуй*, *Даньшуй*, *Жошуй*, *Ишуй*, *Лайшуй*, *Лишуй*, *Лошуй*, *Фэншуй*, *Ханьшуй*, *Хэйшуй*, *Хэй-шуй-бу* (китайское название Амура), *Цзиншуй*, *Чжуншуй*, *Чиншуй*, *Шуаншуй*, *Эршуй*, *Яншуй*. Вполне возможно, что географическое распространение гидронимов с *шуй* в составе связано ещё с деятельностью Юя – основателя древнейшего китайского царства Ся (см. выше). Легенды рассказывают не только о его титанической борьбе с наводнениями, капризами рек, менявших русло и т. д. [Фань Вэнь-лань, 1958, с. 30—31], но и о войнах, которые он вёл с другими племенами, в том числе сильными южными племенами мяо. Когда они вторглись в Центральную равнину, Юй разбил их и отгеснил в бассейн реки Янцзы. «Некоторые говорят, – пишет Сыма Цянь, – что Юй встретился с владетельными князьями к югу от реки [Янцзы] и во время подсчёта их заслуг скончался. Его похоронили там...» [Сыма Цянь, 1972, т. 1, с. 165]. Покоряя те или иные племена, Юй расширял границы своего царства; на новых территориях, надо полагать, возникали сяские названия естественных географических объектов. Быть может, ещё тогда они появились и в северной части современного Вьетнама. Во всяком случае, определённая историческая подоснова для такого предположения есть. В этой связи привлекают к себе те вьетнамские гидронимы, в составе которых имеется слово *suoi* «ручей», «источник, ручей в горах» или *khe* «горная речка, горный поток» [Мурзаев, 1974, с. 306, 319]. Например: *Кхе-Че*, *Кхе-Тьи-Лой*, *Кхе-Да-Бан* (в горах западнее вьетнамского города Винь) [Там же]. Отмечая, что они «обычны только в горах, где преобладают таи, яо, мяо и другие невьетнамские языки», Э. М. Мурзаев высказал гипотезу о наличии генетических связей между вьетнамскими *suoi* и *khe* и китайскими гидронимическими терминами *шуй* «вода» и *хэ* «река», которые, согласно ему, пришли «в Индокитай, миновав вьетнамское посредничество» [Там же]. Если это так, то вьетнамское *suoi* «ручей в горах» по своему происхождению восходит к китайскому *шуй* «вода; река»; к нему же, между прочим, восходит и японское *sui* [Федотов, 1996, т. 2, с. 466].

Китайское *шуй* «вода; река» нельзя не сопоставить с чувашским словом *шьв/шу* – «вода; река». В других тюркских языках слово, обозначающее понятие «вода; река», как правило, начинается со звука [с] – ср., напр.: уйг., полов. *су*, алт. *су*, *суг*, тув., хак., шор. *суғ*, узб., кумык.,

ног., туркм. *сув*, кирг., к.-калп., карач. *суу*, уйг., азерб., тур., тат., казах. *су*, башк. *һыу*, якут. *уу* <*суу* [Егоров, 1964, с. 340; Федотов, 1996, т. 2, с. 465—466], древнетюркское *suu/sub/suu* «вода; река; влага; жидкость» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 512—513, 515].

Полагают, что древнетюркский анлаутный [s] в чувашском языке перешёл в [š], как, например, в словах: др.-тюрк. *saγ* «ум, сообразительность, сметливость» ~ чув. *шохăш/шухăш*, др.-тюрк. *šipir* «подметать, выметать» ~ чув. *шăпăр*, др.-тюрк. *šijir* «жила» ~ чув. *шăнăр* и др. (примеры заимствованы из [Федотов, 1980, с. 121]). Тем не менее, не является ли звук [ш] в чувашском *шыв/шу* «вода; река» исконным? (Этим вопросом ещё в 1966 г. задавалась Л. С. Левитская – ведущий специалист по исторической фонетике чувашского языка [Левитская, 1966, с. 288].) Сопоставление чувашского слова *шуй* «вода; река» с китайским *шуй* «вода; река» даёт основание предположить, что анлаутный [ш] в чувашском *шуй* «вода; река» – исконный. (Этимологию чувашского слова *шуй* «вода; река» см. [Филиппов, 2012, с. 146—154; Он же: 2014, с. 319—329].) Стало быть, древнетюркское *suu/sub/suu* «вода; река; влага; жидкость», как и тюркские *су*, *суг*, *суғ*, *сув*, *суу* – фонетический вариант слова, к которому восходит и чувашское *шыв* «вода; река».

Так на каком же языке говорили беглецы из Ся и дунху? Поскольку беглецы из Ся в большинстве своём были люди из рода-племени сы, логично допустить, что они говорили на языке своих предков, который, по всей вероятности, был китайского типа. О нём наука не располагает никакими сведениями.

Неизвестна и лингвистическая принадлежность племён группы дунху. По предположению О. Прицака (1919—2006; США, Канада), они общались на огуро-тюркском R-языке чувашского типа [цит. по: Егоров Н. И., 2011б, с. 49]. Но он – не тот тюркский язык, на котором изъяснялись древние тюрки, ибо они на исторической арене появились лишь в V в. н. э., тогда как дунху упоминаются в связи с событиями ещё второго тысячелетия до н. э. Справедливости ради его следует называть *дунхуский* (по аналогии: *славяне – славянский язык, русские – русский язык* и т.д.), а не *тюркский, древнетюркский*. Так мы и поступим – историческую память необходимо уважать. Как увидим ниже, дунхуский язык был *тюркского строя*. Тот факт, что он образовался задолго до языка древних тюрков (древнетюркского языка), даёт основание называть его *дотюркский, пратюркский*. Такое определение термина *пратюркский язык* расходится с другими его дефинициями (гл 1 §1.9).

На *дунхуский* (пратюркский) язык и перешли беглецы из Ся, о котором ничего не известно.

1.3. Распад дунхуской (пратюркской) этнической общности

Известно, что в древности дунху вместе с предками хуннов составляли *один Дом*, т.е. одно царство-государство. В нём беглецы из Ся, их потомки этнически постепенно смешались с дунху; при этом, должно быть, сохранили этническую идентичность и относительную самостоятельность. Где-то во втором тысячелетии до н. э. от Дома дунху по какой-то причине (например, видя противоречия своим желаниям) отделилась часть населения. Думается, это были продвинутые (выражаясь современным русским языком) потомки беглецов из Ся; они положили начало народа *прахунны*. Так произошёл первый распад дунхуской (пратюркской) этнической общности. Второй её распад произошёл в 209 г. до н. э., когда сложившиеся к тому времени хунны наголову разбили дунху. Тогда одни из дунху, согласно Фань Е (398—445; Китай), укрылись «у горы Ухуань» (ныне на территории Восточной Монголии) и получили название *ухуань*, другие «отдельно осели у горы Сяньби» (на территории Внутренней Монголии) и получили название *сяньби* [цит. по: Леонтьев, Егоров Н. И., 2012, с. 268]. Подлинное имя тех и других неизвестно. (Некоторые исследователи сяньби считают предками монголов; с точки зрения китайцев, они родственны хуннам.)

После второго распада дунхуской (пратюркской) этнической общности дунху сошли с исторической арены, а потомки прахуннов заняли лидирующее положение в степях Цен-

тральной Азии. Иначе сложилась жизнь потомков дунху – ухуаней и сяньби (йцев). Как увидим ниже, они длительное время находились в политической зависимости от хуннов.

1.4. Прародина хуннов

По сообщениям китайских письменных источников, в древности «Дом Хунну в южной Монголии владел пространством земель от Калгана к западу включительно с Ордосом, а в северной Монголии принадлежали ему Халкаские земли к западу» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 46, прим. 3]. Ордос для хуннов имел большое хозяйственное значение: его песчаные барханы «с хорошим травяным покровом, солончаковые луга в низинах и многочисленные озёра с пресной водой создавали исключительно благоприятные условия для кочевого скотоводства» [цит. по: Материалы по истории сюнну... 1968, с. 19]. При шаньюе Тоумане (последняя четверть III в. до н. э. – *Л. Ф.*) китайцы не раз вытесняли хуннов из Ордоса, а хунны в годы политической нестабильности в Китае, не раз возвращались в его степи. Положение их сильно ухудшилось, когда царство Цинь объединило весь Китай. В 215 г. до н. э. его император Ши-хуан послал против хуннов 300-тысячное войско, и хунны были отброшены на «семьсот с лишним ли (*ли* равен 0,5 км. – *Л. Ф.*), после чего хусцы (т. е. хунны. – *Л. Ф.*) уже не осмеливались спускаться к югу, чтобы пасти там свои табуны, а их воины не смели натягивать луки, чтобы мстить за обиды» [Сыма Цянь, 1975, т. 2, с. 104—105]. Китайцы завоевали Ордос, перешли Хуанхэ и заняли предгорья Иньшаня [Гумилёв, 1960, с. 56]. В 210 г. до н. э. скончался император Ши-хуан. В годы правления его сына вспыхнули мятежи по всему Китаю. Воспользовавшись этим, хуннский шаньюй Тоумань переправился на южный берег Хуанхэ, и хунны «снова стали пасти скот на землях Ордоса» [цит. по: Материалы по истории сюнну..., 1968, с. 22].

Ордос – прародина хуннов, ныне он – округ Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики.

1.5. Создание Хуннской державы

У хуннов было общее имя (один из основных признаков этнической общности), они обладали выраженным самосознанием (другой основной признак этнической общности), имели достаточно развитую социально-политическую организацию, сложную систему управления. Они умели соединять народы под своим руководством – именно хунны основали *первую кочевую державу* в Центральной Азии. Она возникла примерно за 750 лет до образования Великого Тюркского каганата (сер. VI в. н.э.). Создание её связано с именем Маодуня (? —174 гг. до н.э.), который, убив отца (Тоуманя. – *Л. Ф.*), предав смерти мачеху, младшего брата и сановников, не хотевших повиноваться ему, в 209 г. до н. э. объявил себя шаньюем. В те годы дунху, в отличие от хуннов, «были сильны и достигли расцвета» [цит. по: Материалы по истории сюнну..., 1968, с. 38]. Окрылённый этим превосходством, правитель дунху возгордился и запросил у хуннов драгоценного коня (коня, пробегающего в день тысячу ли – пятьсот км), затем – одну из жён Маодуня. Маодунь удовлетворил его «просьбы». После этого правитель дунху заявил, что хочет овладеть необитаемой землёй, лежащей пограничной полосой между хуннами и дунху, но принадлежащей хуннам. Маодунь, как обычно, спросил совета у своих старейшин. Они нерешительно проговорили: «Это брошенная земля, её можно отдать и можно не отдавать» [Там же. С. 39]. Услышав их ответ, Маодунь пришёл в ярость и сказал как отрезал: «Земля – основа государства, разве можно отдавать её» [Там же]. Старейшинам, советовавшим отдать землю, о которой идёт речь, тут же отрубили головы. Затем Маодунь молниеносно собрал войско, совершенно неожиданно напал на дунху, разбил их наголову, убил правителя, «захватил принадлежавший ему домашний скот», «взял в плен людей из народа» [Там же] и немедленно напал на западе на юечжи, прогнав их, присоединил земли, лежащие к югу от Хуанхэ, полностью вернул хуннские земли, отобранные при Ши-хуане, и «установил границу по прежней укрепленной линии к югу от Хуанхэ [расширив свои владения] до Чжаона и Фуши, после чего стал вторгаться в Янь и Дай» [Там же]. Военные успехи возвысили Маодуня и его народ. С этого времени хунны стали знаменитыми не только в Центральной Азии, но и в Южной и Юго-Западной Сибири. На снимке хунн (реконструкция по черепу из кенкольского могильника – I в. до н.э.; скульптурный портрет хунна; автор М. М. Герасимов).

При Маодуне хунны, согласно Сыма Цяню, «небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству (т. е. Китаю. – *Л. Ф.*)...» [цит. по: Материалы по истории сюнну... 1968, с. 39; см. также Бичурин, 1950, т. 1, с. 48, 57]. Хуннская держава сложилась как племенное объединение, где каждое племя при вассальном подчинении верховной власти хуннского шаньюя в то же время сохраняло свою внутреннюю организацию во всём – начиная от системы самоуправления и кончая религией. В середине I в. до н.э. хуннские сановники констатировали: «По своим обычаям сюнну (хунны. – *Л. Ф.*) выше всего ставят гордость и силу, а ниже всего – исполнение повинностей; они создают государство, сражаясь на коне, и поэтому пользуются влиянием и славятся среди всех народов» [Бань Гу, 1973, с. 34]. Их военное знамя украшал дракон, извергающий огонь, оно устрашало врагов и вдохновляло союзников.

В период наивысшего подъёма могущества хуннов их держава заняла огромную территорию: на запад её границы простирались до Каспийского моря, на восток – до Маньчжурии, на юг – до реки Хуанхэ, на север – до Енисея [Там же. С. 60]. Множество больших и малых народов оказалось в сфере политического влияния хуннов. Владычество их над ними продолжалось более 150 лет [Филиппов, 2008, с. 27—34; Он же: 2014, с. 43—48, 69—72].

1.6. Образование хуннского языка

Отрыв дунху и прахуннов друг от друга (второе тысячелетие до н. э. – гл. 1 §1.3) привёл к тому, что в их устах дунхуский (пратюркский) язык стал отличаться. Это был первый распад дунхуской (пратюркской) языковой общности. (В науке нет единого мнения в датировке этого события; например, А. В. Дыбо начало распада пратюркского языка связывает с миграцией части хуннов из Западной Монголии на запад через северный Синыцзян в Южный Казахстан, на Сыр-Дарью в 56 г. до н.э. [Дыбо, 2004, с. 766].) Второй распад дунхуской (пратюркской) языковой общности произошёл в 209 г. до н.э., когда дунху, разбитые хуннами, разделились на две части, которые впоследствии, как было сказано (гл. 1 §1.3), стали известны под названием *ухуань* и *сяньби*. Началось формирование не только двух народов, но и двух языков – ухуаньского и сяньбийского.

Кочуя в пустыне Гоби, прахунны обживали этот суровый, поистине богом забытый край. Двигались они по земле до них почти не заселенной, не встречая сопротивления. Эти условия жизни выработали в них такую, например, черту характера, как свободолюбие, что так было свойственно хуннам. «Да, – пишет Н. М. Пржевальский, – в тех пустынях действительно имеется исключительное благо – свобода, правда, дикая, но зато ничем не стесняемая, чуть не абсолютная» [Пржевальский, 1948, с. 216]. Параллельно шёл процесс становления хуннского этноса и его языка. Когда сформировавшиеся хунны пересекли пустыню Гоби, они оказались в Южной и Юго-Западной Сибири, где вобрали в себя часть динлинов, енисейцев (предков кетов и родственных им племён), енисейских кыргызов, бома, многих других местных племён и племён, приходивших сюда из самых различных мест. Языки их так или иначе взаимодействовали с хуннским, заимствовали хуннские слова. В свою очередь хуннский язык заимствовал отдельные лексические единицы из языков тех или иных подвластных хуннам племён. К сожалению, науке доподлинно неизвестно, на каком языке говорили динлины, енисейские кыргызы, бома и многие другие подчинённые хуннам племена. Предкам кетов в этом отношении повезло: их язык, образно выражаясь, живёт в современном кетском. Забегая вперёд, скажем, *часть кетов и родственных им енисейских племён навсегда связала свою жизнь с хуннами и их потомками и разделила их судьбу*. На последующих страницах данной книги мы ещё не раз вернёмся к ним (гл. 9 §9.1, гл.10 §10.4).

1.7. Основной язык Хуннской державы

Повторимся, Хуннская держава была полиэтнической, а следовательно, многоязычной. Входявшие в неё нехуннские племена говорили на своих языках, что затрудняло общение между ними. И в хуннском обществе естественным образом возникла необходимость в межплеменном средстве общения: оно было жизненно важно для существования самой державы. Основным языком в Хуннской державе стал хуннский язык – язык продвинутого, политически господствующего этноса. Представители нехуннских племён усваивали его, тем самым усиливали его значимость. Её усиливала и слава народа. Во II—I вв. до н. э. на востоке хунны славилась невероятно, и, по утверждению В. П. Васильева (1818—1900; Россия), «всякий мог считать себя за честь называться Хунном, как некогда на западе Римлянином» [Васильев, 1872, с. 115]. Ф. Н. Глинка (1786—1880; Россия) в «Письмах русского офицера» писал: «Неоспоримо, что слава народа придаёт цену и блеск языку его... Во все времена и у всех почти народов слава языка следовала за славой оружия, гремя и возрастая вместе с нею» [Глинка, 1951, с. 324]. Несмотря на это, в Хуннской державе хуннский язык не имел привилегированного статуса. Он, хотя и выполнял определённые интеграционные функции и функции языка дипломатии в сношениях с другими странами, не являлся *обязательным* языком, т.е. не был языком государства и культуры этого целого. По этой причине его развитие, совершенствование не были делом государственной важности, вследствие чего не описывался звуковой строй хуннского языка, не разрабатывалась система его грамматических норм, не составлялись словари. Как следствие, на нём не создавались художественные произведения, не писались научные сочинения и т. д. По крайней мере, науке они не известны. Всё это не позволило хуннскому языку стать развитым *литературным* языком, наподобие древнекитайского. Он выполнял функцию живой разговорной речи.

1.8. Роль древнекитайского языка в развитии хуннского языка

Хуннский язык контактировал не только с языками этносов

Хуннской державы, но и языками сопредельных народов и впервые очередь китайским, который ко времени хуннско-китайских отношений был развитым языком с богатой литературной традицией, чего нельзя сказать о хуннском языке. Взаимодействуя с китайским, хуннский язык обогащался прежде всего лексически. Ещё во II в. до н.э. в его словарный состав, должно быть, вошло китайское слово *цзыр* «иероглиф; записка; расписка» [Китайско-русский словарь, 1955, с. 320]. Это предположительно связано с Чжунхан Юэ (Чжунхин Юе) – наставником принцессы из китайского императорского рода, отправленной в жёны хуннскому шаньюю Гиюю (сыну Маодуня) [цит. по: Материалы по истории сюнну..., 1968, с. 45]. Оно, думается, сохранилось в чувашском языке в форме *сыру* (*сырай*, *сырайв*) «письмо». (Звук [ç] в нём восходит к первоначальной аффрикате [дж] [Егоров В. Г., 1953, с. 78—79].)

Чжунхан Юэ «научил шаньюя посылать императору Хань письма на деревянных дощечках длиной в один чи и два цуня...» [цит. по: Материалы по истории сюнну... 1968, с. 45]. (В период династии Хань один чи равнялся 23 см [Материалы по истории сюнну..., 1968, с. 142, прим. 146].)

У хуннов была иероглифическая и руническая письменность [Филиппов, 2009; Он же: 2014, с. 65—69]. Иероглифической системой письма пользовались, надо полагать, в канцелярии хуннских шаньюев (для ведения дипломатических переписок с китайским Двором, оформления других государственных документов), рунической – для удовлетворения внутренних потребностей хуннского общества (аппарат государственного управления, ведение хозяйства). Такие факты известны истории. Так, например, у древних славян существовала глаголическая

ская и кирилловская письменность, и обе системы письма служили для фиксации материала на одном и том же языке. Глаголическая, по словам болгарского исследователя П. И. Ив́анова, «использовалась в обычной жизни людьми труда – простыми гончарами, каменотёсами, золотых дел мастерами и др...» [Ив́анов, 1985, с. 54—55]; кирилловская – для обозначения предметов и понятий, связанных с христианством [Филиппов, 2009, с. 31—32, 41—43].

Фонетически близкое к чувашскому *сыру* (*сырй*, *сырйв*) «письмо» слово имеется в монгольском языке: *зиру* «рисовать» [Егоров, 1964, с. 120—121]. Налицо и семантическое их сходство: в далёком прошлом понятия *рисовать* и *писать*, по мнению многих исследователей, совпадали и обозначались одним и тем же словом. Следовательно, они по своему происхождению восходят к одному и тому же слову.

Чжунхан Юэ «научил шаньюевых приближённых завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 58; см. также Материалы по истории сунну..., 1968, с. 45]. Их, возможно, называли *кюань* «(книжный, бумажный) свиток» [цит. по: Добродомов, 1975, №5, с. 85]. Согласно М. Рясянену (1893—1976; Финляндия), оно в исходной неуменьшительной форме *куйн* сохранилось в современных чувашских диалектных словах *конь*, *коньй* «пространство, занятое на ткани узором»; и это новое значение развилось в чувашском языке исторически из прежнего «исписанное, написанное» [цит. по: Добродомов, 1975, №5, с. 85 и след.].

С китайским *кюань* М. Рясянен этимологически связывает русское *книга* [цит. по: Добродомов, 1975, №5, с. 85 и след.]. И. Г. Добродомов считает его гипотезу правдоподобной [Там же. С. 85—86]. Развивая её, он пишет: «Из уже исчезнувшего болгарского диалекта (точнее, из гуннского языка. – Л.Ф.) была заимствована в славянские языки уменьшительная форма *куйниг*; на славянской почве она стала звучать *кънига* в результате изменения краткого звука *у* в своеобразный очень краткий славянский звук *ъ*» [Там же. С. 85]. Таким образом, делает вывод И. Г. Добродомов, слово *книга* пришло в славянские языки из китайского языка через болгарско-тюркское (точнее, гуннское. – Л.Ф.) посредство [Там же. С. 89]. Из русского языка оно в XVIII в. было заимствовано чувашским, в котором его фонетический облик изменился в *кёнеке*. Так диалектное чувашское слово *конь*, *коньй* (ср. древнененгерское *könyü* «книга»), восходящее к китайскому *кюань* «(книжный, бумажный) свиток», из пассивного словарного запаса вернулось в активный, но уже в качестве заимствования из русского языка и в совершенно ином звуковом облике. (Есть и другие этимологии русского *книга* [Львов, 1966, с. 162—166; Филиппов, 2014, с. 338—339].)

1.9. О терминах пратюркский язык и древнетюркский язык

Выше было сказано (гл. 1 §1.2), что в науке нет единого понимания термина *пратюркский язык*. А. В. Дыбо, например, определяет его как «языковое состояние, существовавшее до отделения болгарской группы» [Дыбо, 2007, с. 65; см. также с. 200]. Отделение её она относит к началу распада пратюркского языка, который связывается с отделением чувашского языка от других языков [Дыбо, 2004, с. 766 и послед.]. Предполагаемое время и место существования пратюркского языка, по её мнению, «достаточно хорошо укладывается на широкую территорию между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем в конце I тыс. до н.э. – первых веках н.э...» [Дыбо, 2007, с. 199—200; см. также: Дыбо. 2006, с. 393], на которой в ту историческую эпоху господствовали хунны.

Некоторые исследователи считают, что древнетюркский язык – это пратюркский язык, что едва ли соответствует действительности. Носителями древнетюркского языка были древние тюрки. Они, по утверждению Л. Н. Гумилёва, сложились из этнического смешения «пяти-сот семейств Ашина», говоривших между собой по-монгольски, с тюркоязычными алтайскими племенами, происходившими от хуннов, «тем более что „пятьсот семейств“ монголов были

каплей в тюркском море» [Гумилёв, 1967, с. 24]. Эти «пятьсот семейств» в свою очередь возникли «из смешения разных родов» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 221], обитавших в западной части Шэньси, которая в IV в. н. э. была отвоёвана хуннами и сяньбийцами у китайцев [Гумилёв, 1967, с. 22]. Они подчинялись хуннскому князю Муганю, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем) [Там же]. Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, князь «Ашина с 500 семейств бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 221], где орда, сплотившаяся вокруг него, и слилась с местным населением, наделив именем *тюрк* или *тюркют* [Гумилёв, 1967, с. 24]. (Термин *тюрк* в китайских хрониках появился в V в. н.э.) Это слияние «оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 г., они представляли ту целостность, которую принято называть древнетюркской народностью или тюркютами» [Там же]. То, что алтайские племена, этнически смешавшиеся с пятьюстами семействами Ашина, происходили от хуннов, даёт основание предположить, что они говорили на диалектах (или разновидностях) хуннского языка. Разумеется, формирующиеся древние тюрки имели разного рода контакты не только с хуннами, но и другими окружающими их этносами, среди которых были сяньбийцы, ухуаньцы, монголы, тунгусы, маньчжуры и другие. Естественно, древнетюркский язык взаимодействовал с их языками. Шёл процесс его становления.

Повторимся, древнетюркский язык – не есть пратюркский (дунхуский) язык, ибо его носители на исторической арене появились лишь в V в. н.э., тогда как носители пратюркского (дунхуского) языка – дунху в китайской истории упоминаются в связи с событиями ещё второго тысячелетия до н.э. (гл. 1 §1.2). Древнетюркский и пратюркский (дунхуский) языки разделяет огромный промежуток времени – не менее двух тысяч лет! Бесспорно, они – разные языки.

От древнетюркского языка образовались так называемые *общетюркские языки*, а от пратюркского (дунхуского) – хуннский, ухуаньский, сяньбийский (гл. 1 §1.3). Представим сказанное в виде блок-схемы.

Из живых тюркских языков с пратюркским (дунхуским) генетически связан только чувашский язык. «В прежнее время, – читаем в современной «Энциклопедии Британика» (1994 г.), – учёные принимали чувашский не за собственно тюркский язык, а, скорее, за единственный живой язык, сохранивший характерные черты особой группы алтайских языков, на которой, вероятно, говорили гунны (курсив мой. – Л. Ф.)» [цит. по: Григорьев, 2012, с. 6, 43].

1.10. Что сохранилось от хуннского языка

Наука располагает лишь строго ограниченным инвентарём лексем хуннского языка. Отдельные непонятные хуннские слова (глоссы) сохранились в основном в китайских письменных источниках. Э. Дж. Пуллибланк (1922—2013; Англия, Канада) собрал из «Ши цзи» и «Ханьшу» около 190 слов хуннского языка, относящихся к периоду Ранней Хань; согласно ему, большинство из них – собственные имена и титулы [Пуллибланк, 1986, вып. 1, с. 30]. Достоянием же науки, как утверждает Г. Дёрфер, стали пока около 20 хуннских слов [Дёрфер, 1986, вып. 1, с. 72]. Дошедшие до нас хуннские слова были записаны китайскими авторами древнекитайским письмом. Известно, что иероглифическая письменность не отражает звучания слов. Китаец, желая записать иноязычное слово, подбирал сходно звучащие иероглифы. Проходили века, произношение иероглифов менялось и со временем становилось непонятно, как они читались изначально. Например, иероглиф, обозначающий понятие *человек*, в средне- и древнекитайском звучало как *нин*, а в современном китайском звучит как *жэнь*; ср. также: современное *сюнну*, древнекитайское – *хунну*. К тому же, как отмечает Г. Дёрфер, древнекитайское письмо, на котором записаны хуннские слова, «наряду с прочим не различает *l* и *r* и которому не знакомы тюрко-монгольские гласные *ö* и *ü*», и подчёркивает, что они «часто

поддаются толкованию с большим трудом и небольшой долей надёжности» [Там же. С. 73]. (Древнее произношение китайских слов учёные смогли реконструировать; значительный вклад в исследование древнекитайской фонетики внёс С. А. Старостин [Старостин, 1989].)

Некоторые хуннские слова пытались объяснять на материале монгольского, тунгусского, древнетюркского языков [Shiratorii, 1902, s. 01—033; Munkácsi, 1903, s. 240—253; Панов, 1916; Müller, 1918, s. 568—569; Feist, 1919, s. 98, 100; Shiratorii, 1923, s. 71—82] – см. [Иностранцев, 1926, с. 138, 141—147 и др.]. Двенадцать слов из 190 собранных Э. Дж. Пуллибланк квалифицировал как кетские [Пуллибланк, 1986, вып. 1, с. 30—61 и др.]. «Материал, конечно, количественно ограничен, – пишет он, – и я не должен ни минуты претендовать на то, что я „доказал“, что язык сюнну был родствен палеосибирским» [Там же. С. 64]. И добавляет: «Есть серьёзные основания считать, что палеосибирские языки некогда были гораздо более широко распространены, чем в XIX и XX вв.» [Там же]. А. П. Дульзон (1900—1973; Россия, СССР) предпринял попытку объяснить некоторые из собранных Э. Дж. Пуллибланком «хуннские» слова на материале кетского языка [Дульзон, 1968б, с. 141—142].

Интерес к сохранившимся в китайских письменных источниках хуннским словам проявляют и сегодня, о чём свидетельствует монография А. В. Дыбо, на страницах которой рассматриваются и более ранние транскрипции известных хуннских слов [Дыбо, 2007, с. 82—115]. Как бы обобщая свои разыскания и разыскания других исследователей в этой области, А. В. Дыбо пишет: «Вообще же проблема языковой атрибуции записанных китайцами сюннских (хуннских. – Л. Ф.) слов принадлежит к разряду „вечных“... Очевидно, какой-либо прогресс в этой области может быть достигнут исключительно в связи с уточнением фонетических чтений использованных для записи иероглифов на момент записи, а также с уточнением фонетического облика слов предполагаемых языков-источников, также с соответствующими датировками» [Там же. С. 80].

Одним словом, единства мнений в толковании сохранившихся в китайских письменных источниках I в. до н.э. – I в. н.э. хуннских слов на сегодня нет. Констатируя это, заметим, что для объяснения их чувашский язык (как правило, по незнанию) практически не привлекался.

Удовлетворительного объяснения в науке не получила и единственная, сохранившаяся до нашего времени хуннская фраза (*гуннский стишок* – И. Бенцинг, *двустипшие сюнну* – Э. Дж. Пуллибланк, *гуннское двустипшие* – Г. Дёрфер). Она содержится в хронике «Цзинь-шу», предположительно относится к 310 г. н.э. [Дыбо, 2007, с. 75—76], записана «фонетически трудно реконструируемым китайским письмом» [Дёрфер, 1986, вып. 1, с. 73], состоит из четырёх слов [Пуллибланк, 1986, с. 61], в них в общей сложности десять слогов [Дёрфер, 1986, с. 72]. Приведём две её европейские транскрипции: 1) *sieou-tchi ti-li-kang pou-kou khiu-tho-tang* и 2) «*сю чжи тилэй гян, Пугу тугоудан*». Автором первой из них является А. Ремюза [цит. по: Иностранцев, 1926, с. 96], второй – В. П. Васильев [Васильев, 1872, с. 115].

Объяснить хуннскую фразу IV в. н.э. пытались многие отечественные и зарубежные исследователи. (Подробное описание всех предлагавшихся её толкований см. [Шервашидзе, 1986].) Так, например, Н. А. Аристов, полагая, что хунны говорили на древнетюркском языке, подгонял её смысл под содержание китайского перевода, в результате исказил саму фразу; она у него приняла такой вид: *Süsi sülägän, Пугу тугтан* [Аристов, 1896, с. 292]. Между прочим, В. П. Васильев несколько раньше, хотя и признал, что хуннская фраза имеет вид тюркский, отметил, однако, что никому из тюркологов не поддаётся её анализ [Васильев, 1872, с. 115—116].

Тем не менее, в XX в. было сделано несколько попыток объяснить хуннскую фразу IV в. н.э. на тюркском языковом материале. Б. Карлгрен (1899—1978; Швеция) реконструировал её на основе чтения древнекитайских знаков; она у него выглядит следующим образом (рядом даётся дословный перевод китайского перевода этого текста): *siôg tieg t'iei liäd kâng* «войско

вывести»; *b'uok kuk g'iu t'uk tâng* «полководца захватить» [цит. по: Зарубежная тюркология, 1986, вып. 1, с. 13].

Г. И. Рамстедт (1873—1950; Финляндия), Л. Базен (1920—2011; Франция), А. фон Габен (1901—1993; Германия, ФРГ) и некоторые другие исследователи считали оригинал хуннской фразы IV в. н.э. также тюркским и соответственно её восстанавливали, но читали и толковали её различно, например (цит. по: Зарубежная тюркология, 1986, вып. 1, с. 13): *sikä taligün* «выступай на войну» и *bügiüg tutan* «поймай Бюю» [Ramstedt, 1922, s. 30—31]; *süg tägti idgan* «пошлите армию в наступление» и *boguyiü tutgan* «захватите полководца» [Basin, 1948, p. 208—219]; *särig ülitgan* «ты выведешь войско» и *buyuy kötiürkän* «ты похитишь оленя» [Gabein, 1950, p. 244—246].

Относительно приведённых реконструкций хуннской фразы IV в. н. э. И. Бенцинг (1913—2001; Германия, ФРГ) отметил: «Более или менее надёжным в этом представляется: *t'uk tâng*, очевидно, **tugta* „захватывать, арестовывать“ = монг. *togta-* „останавливать, задерживать“, др. тюрк. *tut-* „держат, брать“, ср. аналогичное фонетическое изменение: монг. *agta* „мерин“ = др. тюрк. *at* „лошадь“; можно допустить, что *siôg* (*tvěg?*) имеет отношение к древнетюркскому *s* „войско“, но ни тюркские, ни монгольские, ни тунгусские языки не содержат материала для какой-либо стройной интерпретации остальных слов» [цит. по: Зарубежная тюркология, 1986, вып. 1, с. 13; см. также Benzing, 1959].

Аналогично мнение Э. Дж. Пуллибланка. «Ни одно из этих объяснений, – пишет он, – не может считаться очень успешным, поскольку все они в большей или меньшей степени построены на произвольном обращении с фонетическим значением китайских иероглифов, так и с объяснениями, содержащимися в сопровождающем двустишие китайском тексте» [Пуллибланк, 1986, вып. 1, с. 61]. Сам Э. Дж. Пуллибланк входящие в хуннскую фразу IV в. н.э. китайские иероглифы читает и переводит как *сю-чжи* – «войско», *ти-ли-ган* – «выходить», *пу-гу* – «варварский титул Лю Яо», *цой-ту-дан* – «взять в плен» [Там же. С. 61—62]. При этом он не восстанавливает связный текст хуннской фразы IV в. н.э. по причине нежелания «добавить что-нибудь ещё к списку предлагавшихся реконструкций» [Там же. С. 62].

Хуннская фраза IV в. н.э. до сих пор продолжает привлекать внимание исследователей. Так, например, А. В. Вовин (р. 1961; СССР, Россия, США) предложил своё, тюркско-енисейское, её прочтение и истолкование [Vovin, 2000, p. 87—104], А. В. Дыбо – своё, тюркское: *sige tal-t-kan bökö-g göt-ök-ta-η*, что, согласно ей, означает «Войско заставив выйти наружу, бёке захватите, пожалуй» [Дыбо, 2007, с. 77].

Между тем, рассматриваемая хуннская фраза *sieou-tchi ti-li-kang pou-kou khiu-tho-tang* на материале чувашского языка может быть прочитана, не переставляя ни букв, ни слогов, ни тем более слов (что крайне важно при дешифровке любого письменного текста), как *ивчĕ Тилĕ*

хан пуху хэй тытнй дословно «проворный (ловкий) Лиса хан собрание сам держал (созвал)». Известно, что хунны собирались для совещания о делах. Китайские письменные источники сообщают, например, что у них «было обыкновение три раза в году собираться», на которых «начальники поколений рассуждали о государственных делах...» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 119]. Шаньюй «открывал в орде собрание для совещания о делах...» [Там же. С. 129]. Правда, предложенный перевод хуннской фразы не согласуется с ее китайским переводом – в нём она означает благоприятное предсказание: по выступлении войска в поход «враг [приводится собств. его титул] будет вполне разбит» [цит. по: Иностранцев, 1926, с.142]. Разница в том, что в нём сообщается о *самом собрании*, который держал Лиса хан, а в китайском – о *результате гадания*. Быть может, это переводы разных, но связанных между собой по смыслу фраз? А может быть, одна и та же фраза, допускающая разное чтение и понимание, поскольку написана на не вполне пригодном для передачи звуков хуннского языка китайским письмом. Да и «сами китаисты совсем не единодушны в вопросе о звуковом содержании знаков этого письма в древности» [Дёрфер, 1986, с. 76].

Чувашское прочтение и истолкование хуннской фразы IV в. н.э., оформленное в виде статьи, в апреле 2003 г. нами было отправлено в редакцию журнала «Вопросы языкознания» (М., АН СССР). Как полагается, статья была на внешней рецензии. Автор её (фамилия его по известной причине засекречена) предложенное в статье чувашское прочтение и истолкование хуннской фразы нашёл «чисто спекулятивным решением проблемы» и не заслуживающим внимания (рукопись; хранится в моём архиве). Им было сделано четыре замечания, они касаются прочтения и истолкования следующих слов хуннской фразы: *kang, pou-kou, ti-li* и *tho-tang*.

Относительно слова *kang*, прочитанного нами как *хан* (титул) [Филиппов, 2008, с. 286], рецензент, ссылаясь на Э. Дж. Пуллибланка, пишет: «...высший, или весьма высокий, титул *при династии Тан* (курсив мой. – Л.Ф.) у тюрков и в более раннее время у туйухуней и жуань=жуаней транскрибировался как *кэ=хань*» (рукопись). Это простая констатация факта, имевшего место быть при династии Тан (618—907), *а не в эпоху Хань* (206 до н.э. – 220 гг. н.э.). Ханьские императоры свои письма к хуннским шаньюям, как правило, начинали словами: «Император почтительно спрашивает о здоровье великого *шаньюя* сюнну (курсив мой. – Л.Ф.)» [Материалы по истории сюнну..., 1968, с. 45]. Ханьцам был известен и титул *хан*, он в первый раз встречается под 261 г. до н.э.: «Гао-цзун, государь из Дома Тхан, говорит: нынешнее слово Хан соответствует древнему слову Шаньюй. Ганму. 261 (-й год н.э. – Л.Ф.)» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 167, прим. 4]. И слово *хан* вполне могло быть употреблено в хуннской фразе вместо слова *шаньюй*, тем более оно в ней занимает место после слова *ti-li – ti-li-kang*, которое нами рассматривается как имя хана [Филиппов, 2008, с. 282—283].

По поводу прочтения слова *pou-kou* как чувашское *пуху* «совет» рецензент заметил: «Чувашское *пуху* „собрание“ ... ни в одном из чувашских источников не имеет значения „совет“» (рукопись). Но из этого вовсе не следует, что хуннское *pou-kou* не имело значения «совет»; тем более чувашские письменные источники не могут похвастаться древностью, а исходное значение слова, как известно, с течением времени может расширяться, сужаться, изменяться, забываться.

Слово *ti-li* сопоставляется нами с частью *теле-/тиле-* в румынском топониме *Телеорман/Тилеорман*, а не с компонентом *дели-* в староосманском и современном турецком *deliorman* (гл. 8 §8.3), а это, согласитесь, не одно и то же.

Часть хуннской фразы *tho-tang* в упомянутой статье читается как чувашское *тытнй* «держал» [Филиппов, 2008, с. 287—288]. И. Бенцинг её в форме **tugta* «захватывать, арестовывать» сопоставляет с монгольским *togta-* «останавливать, задерживать», древнетюркским *tut-* «держат, брать» [цит. по: Зарубежная тюркология, 1986, вып. 1, с. 13; см. также Benzing, 1959]. Противоположной точки зрения придерживается рецензент. Он утверждает, что среднемонгольское и монгольское письменное *toᠭta = ~ togta* = выступает в значении «останавли-

ваться», но никак не «останавливать» или «задерживать» и что «нет ничего общего между указанным глаголом и древнетюркским *tut*», собственное значение которого – „держать“, в смысле „хватать“, но не в смысле „собирать, созывать“» (рукопись). Ясно одно: хуннская фраза IV в. н.э. нуждается в дальнейших уточнениях, быть может, новых толкованиях.

Чувашская интерпретация хуннской фразы [Филиппов, 2008, с. 278—292] имеет право на существование, особенно если учесть предполагаемое генетическое родство хуннского и чувашского языков. Во всяком случае, её можно принять к сведению рядом с другими объяснениями.

Как уже говорилось, от хуннского языка мало что сохранилось и устанавливать хуннизмы в чувашском и некоторых языках Северо-Восточной Азии (включая Сибирь и Крайний Север), Средней Азии, Северного Кавказа, Восточного Закавказья и Европы, кажется, заведомо бессмысленное занятие. Понимая это, всё же предпримем попытку выявить их, возможно, она окажется небесполезной. Высказанные догадки и предположения не претендуют на бесспорность; возможно, некоторые из них покажутся слишком смелыми и будут подвергнуты критике, надеюсь, обоснованной и конструктивной. Исследователь вправе строить гипотезы и предположения, опираясь на известные исторические, лингвистические и иные факты. Гипотетичность суждений – не помеха, напротив, она будит исследовательскую мысль.

Начнём с корейского языка, от него перейдём к центрально-азиатским языкам (китайскому, монгольскому, древнетюркскому), далее – некоторым языкам Западной Сибири, Крайнего Севера, Средней Азии, Северного Кавказа, Восточного Закавказья и Европы, носители которых в определённый период своей этнической истории имели тесные контакты с хуннами, их потомками, о чём будет сказано в соответствующем месте. Этнические контакты, как известно, предполагают языковое взаимодействие.

Глава 2

Хуннизмы в языках Северо-Восточной Азии *Корея (Северная, Южная), Китай, Монголия*

2.1. Хуннизмы в корейском языке

В то время, когда хунны безраздельно господствовали в центрально-азиатских степях, древнекорейские племена населяли юго-запад Маньчжурии (современный китайский регион Дунбэй и восточная часть Внутренней Монголии), по соседству с ними обитали ухуани, сяньбийцы. В своё время часть и тех и других откочевала к Ляодуну – полуострову в северо-восточной части Китая (провинция Ляонин) между Ляодунским и ЗападноКорейским заливами Жёлтого моря. (Существует мнение, что часть сяньбийцев нашла приют в Корее.) Впоследствии эти ухуани и сяньбийцы этнически смешалась с местными этносами, в том числе предками современных корейцев.

Древнекорейские племена имели деловые связи и с хуннами. Более того, авторы книги «Айкидо и китайские боевые искусства. Базовые взаимоотношения» японец Тетсутака Сугавара и китаец Лю Чжиан Син склонны думать, что клан Ох из древнекорейского государства Когурё кровно связан с хуннами. «Считается, – пишут они, – что культура синтоизма на Корейском полуострове была представлена кланом Ох из Когурё, имевшим большой вес в I столетии до н. э. ... в них («оховцах». – Л. Ф.) частично присутствовала кровь гуннов (т. е. хуннов. – Л. Ф.), или же они сами были гуннами (т. е. хуннами. – Л. Ф.)» [цит. по: Леонтьев, Егоров Н. И., 2012, с. 274]. Стало быть, языки древнекорейских племён взаимодействовали с хуннским, о чём позволяет говорить материал чувашского языка.

В исконной лексике корейского и чувашского языков немало параллелей, ср., например: корейское *сем* «счёт» <*се* «считать» и чувашское *сум* «счёт» <*су* «считать», «читать» (-м в обоих языках – словообразовательный суффикс); корейское *пори* «ячмень» и чувашское *пйри* «полба»; корейское *иранъ* «грядка; межа; борозда» и чувашское *ййран* «межа; борозда; грядка»; корейское *-ачжи* в *сонъачжи* «телёнок», *манхачжи* «жеребёнок», *канъачжи* «щенок» и чувашское *ача* «дитя, ребёнок», которое «в остальных тюркских языках прямых соответствий не имеет» [Федотов, 1996, т. 1, с. 73—74] и другие (примеры взяты из [Мальков, 1971, с. 309—310, 313]).

Корейский и чувашский языки имеют общность и в фонетическом строе. Ещё в 1927 г. Е. Д. Поливанов (1891—1938; Россия, СССР) указал на соответствие корейской фонемы *-л/-р* в конце корня чувашским сонорным *-л* и *-р* в той же позиции [Поливанов, 1927, т. XXI, №15—17]. В. Ф. Мальков произвёл подсчёт конечных согласных в корейских и чувашских корнях структурного типа СГС (согласный – гласный – согласный). Оказалось, что в чувашском языке корни, оканчивающиеся на *-р*, составили 30,5%, на *-л* — 12,3% (в общей сложности – 42,8%), а в корейском корни, оканчивающиеся на *-л/-р*, составили 40% [Мальков, 1971, с. 311]. В обоих языках, по данным В. Ф. Малькова, «очень много звукоподражательных слов с конечными *-л* и *-р*», они же «возникали в далёком прошлом и сохранились до наших дней» [Мальков, 1971, с. 311—312]. (О подражательных словах в чувашском языке см. [Ашмарин, 1918; Корнилов, 1984].)

В корейском и чувашском языках звуковые соответствия имеются не только в корнях слов, но и в некоторых тождественных словообразовательных суффиксах (речь идёт о суффиксах *-м*, *-у*, *-е*, *-ке*, *-анъ* (чув. *-ан*), *-мэ* (чув. *-ма*)) [Мальков, 1971, с. 309—310].

«Чем объяснить подобную общность в фонетическом строе обоих языков?» – задаётся вопросом В. Ф. Мальков и отвечает: «Если она объясняется сходными типологическими особенностями обоих языков, то наличие значительного количества конечных “-л» и “-р» можно отнести к более позднему времени; если же она объясняется генетической общностью рас-

смаатриваемых языков, то это явление относится к очень отдалённому времени, когда происходило дробление какого-то древнего языка на диалекты. *Оно может быть объяснено, правда, и заимствованием в один язык лексики другого языка с сохранением конечных “-л» и “-р»* (курсив мой. – Л.Ф.)» [Там же. С. 311].

Лексические параллели в корейском и чувашском языках, соответствие корейской фонемы *-л//р* в конце корня чувашским сонорным *-л* и *-р* в той же позиции, общие словообразовательные суффиксы объясняются не только заимствованием, но и явлением *суперстрата* (от латинских слов *super* – «над» и *stratum* – «слой, пласт»). Оно, как известно, возникает при языковых контактах и определяется как язык пришельцев, который наслаивается на язык коренного населения и который с течением времени растворяется в нём, оказывая определённое воздействие на язык коренного населения. Известно также, что суперстрат выявляется прежде всего в фонетике и грамматике, в лексике его трудно отграничить от заимствования.

Сказанное выше сближает корейский и чувашский языки. Связующим звеном между ними являются хуннский, ухуаньский, сянбыйский языки. Не под их ли влиянием формировался структурный тип корейского языка? (Современный корейский язык – изолированный язык агглютинативного строя с порядком слов SOV (подлежащее – дополнение – сказуемое) [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 240—241].)

2.2. Хуннизмы в древнекитайском языке

Хуннский язык, естественно, сохранил определённые элементы своего предка – дунхуского (пратюркского) языка (гл 1 §1.2). О них наука мало что знает. По А.В Дыбо, «засвидетельствованные факты языка сюнну (хуннов. – Л.Ф.) только отчасти прослеживаются как пратюркские (в её понимании термина *пратюркский*. – Л.Ф.)» [Дыбо, 2007, с. 201]. Так, согласно ей, «могут быть сочтены унаследованными как формально пратюркские» **taŋri* «небо», **ɳala* «небольшая лошадь», **koŋur* «бурый», **kol* «лагерь», **darxan* «титул» и некоторые другие [Там же]. Об остальной зафиксированной китайцами сюннской (по аналогии с *хуннской*) лексике А. В. Дыбо отмечает, что она, «по-видимому, по большей части, принадлежала к «верхнему» функциональному стилю языка соответствующих общественных образований...» [Там же]. Что это за язык «соответствующих общественных образований», не объясняется. Тот факт, что на территории между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем в конце I тыс. до н.э. – первых веках н.э. главенствовали хунны (сюнну), даёт определённую почву для предположения, что языком «соответствующих общественных образований» был язык правящей верхушки хуннского общества, т.е. хуннский (сюннский) язык. Следовательно, зафиксированная китайцами сюннская (хуннская) лексика «по большей части» относится к хуннскому (сюннскому) языку. Часть её, надо полагать, вошла в китайский язык – условия для этого были: хунны (сюнны) и китайцы династии Хань в течение четырёх столетий жили рядом и имели интенсивные контакты, в том числе языковые.

Заемствование было двусторонним. Ранние китайские заимствования в пратюркском языке рассмотрены и объяснены А. В. Дыбо (напомним, её понимание термина *пратюркский язык* отличается от нашего) [Дыбо, 2007, с. 66—74]. Среди них такие слова, как * (a) *laɕu-k* «хижина, шалаш, маленькая юрта», (?) **altun* «золото», **gumɳl* «серебро», **temur* «железо», **cerig* «войско», **dɔn* «одежда», **sir* «цвет, краска, лак» [Дыбо, 2007, с. 67—72]; они датируются III в. н. э.» [Дыбо, 2007, с. 74]. Они, должно быть, функционировали и в хуннском языке, из него (а не из древнетюркского!) унаследованы чувашским языком, ср.: * (a) *laɕu-k* – чув. *лаç* «лачуга», (?) **altun* – чув. *ылтӑн* «золото», **temur* – чув. *тимёр* «железо», **cerig* – чув. *çар* «войско», **dɔn* – чув. *чӑн* «правда», *tum* «одежда», **sir* – чув. *сӑрӑ* «краска; цвет». (Обзору предполагаемых ранних китаизмов в тюркских языках посвящена статья И. Н. Шервашидзе «Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд» [Шервашидзе 1989, №2].)

2.3. Хуннизмы в монгольском языке

Предки монголов «первоначально обитали в верхнем течении Амура» [Таскин, 1979, ч. 2, с. 450]. Л. Р. Кызласов уточняет: монголоязычные племена в древности расселялись «в горно-таёжной полосе между северо-восточной оконечностью Яблоневого хребта, по обеим сторонам Хингана и вплоть до северной оконечности Хэйлунцзяна (в основном по рекам Шилке, Иногде, Аргуни и бассейну Амура в его среднем и нижнем течении)» [Кызласов, 1992, с. 148—149]. Позднее, «а именно в первом веке н.э.», они появились в центрально-азиатских степях [Таскин, 1979, ч. 2, с. 450], где господствовали северные хунны. С тех пор хуннские слова стали проникать в языки монгольских племён, особенно в период, когда их носители находились под властью хуннов, монгольские – в хуннский.

Хуннскими в монгольском языке следует считать:

= слова ротацирующего типа, этимологически родственные чувашским, например: монг. *iker* ~ чув. *вӑкӑр* «бык», но др.-тюрк. *ögüz* «бык, вол»; монг. *ekeri, ikeri, ikere* ~ чув. *йӗкӗр* «двойной; двойня; двойняшки», но др.-тюрк. *ekiz* «близнецы, двойня»; монг. *jiru* ~ чув. *сыр* «писать», но др.-тюрк. *jaz-* «писать» и др. (примеры взяты из [Федотов, 1980, с. 147—148]). Они могли войти в монгольские языки и из ухуаньского, сяньбийского языков, которые ротацизм унаследовали от языка-основы, каким для них, как и для хуннского, был дунхуский (пратюркский) язык, тем более носители их обитали по соседству с монгольскими племенами, по крайней мере, с I в. н.э.;

= слова, этимологически родственные чувашским, в которых наблюдается анлаутный *š-*, например: монг. *šarazaγai* ~ чув. *шохӑш/шухӑш* «мысль; дума», но др.-тюрк. *saγ* «ум, сообразительность, сметливость»; монг. *šiyūr* ~ чув. *шӑнӑр* «метла; веник», но др.-тюрк. *sipir* «подметать, выметать»; монг. *širbūsūn* ~ чув. *шӑнӑр* «сухожилие; жила», но др.-тюрк.», *sinjir* «жила» (примеры заимствованы из [Федотов, 1980, с. 121]) и др.;

= слова китайского происхождения, общие для монгольского и чувашского языков, вошедшие в них через посредство хуннского языка – например: кит. *цзыр* «иероглиф; записка; расписка» [Китайско-русский словарь, 1955, с. 320] ~ монг. *зыру* «рисовать» [Егоров В. Г., 1964, с. 120—121] ~ чув. *сыру* «письмо» (гл. 1 §1.8); кит. *лѳца* (ло «мул» + *-ца*) [Новикова, 1971, с. 242] ~ монг. *лаγуса* «мул» (**la-* кит. ло <**ла* «мул» + *архаичный имяобразующий аффикс -γуса (n)*) [Там же] ~ чув. *лаша* – «лошадь; мерин» (**la-* кит. ло <**ла* «мул» + *ша*) [Филиппов, 2014, с. 346—348; Он же: 2018, с. 98—100; гл. 10 §10.2].

Как много в монгольском языке хуннских слов, неизвестно: они никем не исследованы. Зато известно, что в чувашском языке около 900 монгольских лингвистических элементов [Егоров В. Г., 1971, с. 105—108; Федотов, 1980, с. 144—146]. Н. И. Егоров считает, что количество их, «по ещё далеко не полным подсчётам, достигает 3000 единиц» [Егоров Н. И., 2006, №1, с. 144]. Не слишком ли много?! В основном они вошли в чувашский язык через посредство языка потомков кавказских, европейских гуннов, среди которых были и потомки осяньбившихся (в известной степени омонголившись) северных хуннов (гл. 10 §10.3).

* * *

По пути движения на юг монгольские племена встречались со многими народами, в том числе сяньбийцами (гл. 1 §1.3). Языки их, естественно, взаимодействовали; и монгольские слова стали проникать в сяньбийский язык и наоборот. Сяньбийцы и монгольские племена (в коалиции с динлинами, южными хуннами, китайцами) воевали с северными хуннами. К концу I в. н.э. военная сила северных хуннов была подорвана: в 87 г. им сильное поражение нанесли сяньбийцы, в 89 г. – китайцы, в 90 г. – южные хунны, в 91 г. – снова китайцы [Фань Е, 1973, с. 81—84, 98], после чего их шаньюй «бежал неизвестно куда» [Там же. С. 84]. В эти годы северные хунны, спасая свою жизнь, отдельными отрядами уходили кто куда, но в большин-

стве своём остались на землях своих предков – в халкаских степях (современная Монголия) [Там же. С. 82]. «В главе «Повествование о Сяньби», – пишет В. С. Таскин, – сообщается, что после бегства северного шаньюя его земли были заняты сяньбийцами, а сюнну, у которых оставалось ещё свыше 100 тыс. юрт, стали называть себя *сяньбийцами* (курсив мой. – Л. Ф.)» [цит. по: Материалы по истории сюнну... 1973, вып. 2, с. 153, прим. 26; см. также Бичурин, 1950, т. 1, с. 150—151]. Так в начале 90-х гг. I в. примерно 700 тыс. северных хуннов [Филиппов, 2008, с. 33] оказались в политической зависимости от сяньбийцев (Введение).

Сяньбийцы особенно усилились при Таньшихае (141— 181). Таньшихай «на юге грабил пограничные (с Китаем. – Л. Ф.) места, на севере остановил динлинов, на востоке отразил фуюй, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14000 ли (напомним, ли равен 0,5 км. – Л. Ф.), со всеми горами, реками и соляными озёрами» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 154]. Так они, сменив хуннов, во второй половине II в. н.э. стали хозяевами монгольских степей. Тогда одни из северных хуннов («малосильные» в количестве 200 тыс. человек [Бичурин, 1950, т. 2, с. 258—259; т. 3, с. 79]) укрылись в горных долинах Тарбагатая и Саура, другие ушли в степи Южного Приуралья. Оставшиеся на землях своих предков северные хунны с течением времени в известной степени осяньбились (омонголились). Спустя примерно 170 лет (в 50-х гг. IV в.) часть их в связи с усилением табгачей/тавгачей ушла в Южное Приуралье (гл. 5).

2.4. Хуннизмы в эвенкийском (тунгусском) языке

Эвенкийский (тунгусский) язык – один из тунгусо-маньчжурских языков. Он распространён на территории таёжной зоны Сибири от левого берега реки Енисей до острова Сахалин [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 590]. Около 40 тысяч его носителей проживает в Российской Федерации, они занимаются рыболовством, охотой и оленеводством. Небольшие группы эвенков (тунгусов) находятся в Китае и Монголии. Считается, что предки их обитали в Маньчжурии. (*Маньчжурия* — историческое название северо-восточной части Древнего Китая). Естественно, они контактировали с другими этносами, в том числе хуннами, что зафиксировано в их устном народном творчестве. «В эвенкийском фольклоре, – пишет В. Н. Чернецов, – находим упоминание и описание савыр-земли, расположенной к западу от эвенкийской территории и населённой конным народом» [Чернецов, 1953б, с. 239]. Здесь под выражением *савыр-земля*, вне всякого сомнения, подразумевается земля сывар/сыпар, т.е. хуннов, а под *конным народом* скрываются сывары/сыпары, т.е. хунны (эвенки/тунгусы – олений народ) [Филиппов, 2014, с. 77—79, 85—86]. В этой связи особое значение приобретает выделенная А. П. Окладниковым *шиверская* культура [Окладников, 1956: Он же: 1981], возникшая «от соприкосновения древних хуннов с древними тунгусами» [Гумилёв, 1960, с. 35].

Как видим, земли эвенков (тунгусов) и сывар-хуннов были связаны взаимными сношениями между собой. Они, надо полагать, выражались в торговых сделках, основанных на прямом обмене предметами (бартерные сделки). В ходе этого процесса отдельные названия чужеземных товаров входили в их языки: савырские-хуннские – в эвенкийский (тунгусский), эвенкийские (тунгусские) – в савырский-хуннский. Проиллюстрируем сказанное на примере эвенкийского (тунгусского) слова *пурта* «нож» и хуннского **какай* «мясо», привлекая материал чувашского языка.

Эвенкийскому (тунгусскому) *пурта* «нож» соответствует чувашское слово *пуртă* «топор». Фонетическая структура сопоставляемых лексем практически совпадает, очевидна и семантическая связь между ними: и то, и другое слово обозначает режущий предмет. Можно, следовательно, допустить, что эвенкийское (тунгусское) *пурта* «нож» заимствовано из хуннского языка. Потомки хуннов – гунны – принесли его в Европу, из языка которых оно было заимствовано старославянским (*брада* «топор»), немецким (*Barte* «топор»). Это хуннское, гуннское слово есть и в чувашском языке – *пуртă* «топор», его следует рассматривать как лексическое наследство хуннского, гуннского языка (другие этимологии см. [Егоров, 1964, с. 166; Федотов, 1996, т. 1, с. 447—448]). Из чувашского оно было заимствовано удмуртским (*пурт* «нож») и коми (*пурт* «нож») языками.

Чувашскому *пуртă* «топор» в других тюркских языках соответствуют: алт., шор. *палта*, уйг. *палту*, як., тур., кирг., туркм., тат. *балта*, узб. *болта* «топор». *Пуртă* ~ *палта* (и другие его формы) «топор» – фонетические варианты одного и того же слова. Колебание между средними звуками [р] и [л] наблюдается и в чувашских словах, ср.: *сарамат кёперё* ~ *саламат кёперё* «радуга», *шаравар* ~ *шалавар* «шаровары» [Ашмарин, 1936, вып. 11, с. 29, 63; 1950, вып. 17, с. 133], *сала-кайăк* «воробей» ~ *сарă-кайăк*, *сар-кайăк* (название птицы) [Ашмарин, 1936, вып. 11, с. 24—25, 66] (у чувашей села Кожай-Семёновка Миякинского района Республики Башкортостан (Российская Федерация) оно означает «соловей»), *киремет* ~ *келеметь* (название злого духа – в речи чувашей села Калмантай Вольского района Саратовской области (Российская Федерация) и другие. Ср. также: *Селигер* ~ *Серегьръ* (название озера; Тверская область – Российская Федерация); *Илмень* ~ *Ирмень* (название озера; западная часть Новгородской области – Российская Федерация), *Ирмень* (название реки; Новосибирская область – Российская Федерация). Эти топонимы, скорее всего, кетского происхождения [Филиппов, 2018, с. 161—162], ибо в кетском языке наблюдается колебание между звуками [р] и [л] [Дульзон,

1968в, с. 6, 21]. (Предки кетов ещё во II—I вв. до н.э. перешли на хуннский язык, и кетский язык оставил определённый след в хуннском. Очень возможно, что хуннское слово **пуртă / палта* «топор/нож» по своему происхождению восходит к кетскому языку.)

В монгольских языках слово, о котором идёт речь, имеет формы: п.-монг. *balta* «молот», монг. *балт* «топор», бур. *балта* «молот, кувалда», калм. *балт (балтă)* «боевой топор, секира» [Федотов, 1996, т. 1, с. 448]. Согласно Г. Дёрферу, монгольское *balta* заимствовано из тюркского языка [Doerfer, 1963, bd, S. 199].

Пурта «нож» в эвенкийском (тунгусском) – едва ли единственное слово, заимствованное из хуннского (кетского) языка.

Хуннский язык в свою очередь заимствовал отдельные слова из тунгусо-маньчжурских языков. Одним из них является **какай*; оно, по-видимому, заимствовано из солонского языка, в котором домашняя свинья (самец и самка) называется *gaga ~ gaḡa* [Новикова, 1971, с. 242]. (*Солонский язык* – один из тунгусо-маньчжурских языков; некоторые исследователи рассматривают его как диалект эвенкийского/тунгусского языка). На эту мысль наводит и то, что эвенки (тунгусы), по китайской истории, «издревле наиболее старались разводить свиней, которые и ныне (в первой пол. XIX в. – Л. Ф.) у них исключительно употребляются при шаманском жертвоприношении...» [Бичурин, 1950, т. 2, с. 7, прим. 1].

Хуннское слово **какай* сохранилось в чувашском языке в значении «мясо». Полагают, что предки чувашей первоначально только свинину называли *какай*, а позднее и говядину [Егоров В. Г., 1964, с. 85]. В других тюркских языках понятие «мясо»

передаётся словом *em/um* [Севортян, 1974, с. 311]; чувашское *m* в прошлом обозначало и «мясо», в настоящее время оно употребляется исключительно в значении «тело» [Егоров В. Г., 1964, с. 282].

Монгольское *agai* – «свинья», по всей вероятности, также заимствовано из солонского языка. Оно, согласно К. А. Новиковой, «является по происхождению производным именем качества, образованным от образного слова **an ~ *an* «визг» с помощью аффикса **-gai* и означает букв. «визгливый» (*-gai* – продуктивный имяобразующий аффикс современных монгольских языков конечное *n ~ n* в слове **an ~ *an* перед этим аффиксом утрачено)» [Новикова, 1971, с. 242].

Сказанное выше сближает чувашский язык с тунгусо-маньчжурскими языками; связующим звеном между ними является хуннский язык.

2.5. Хуннизмы в древнетюркском языке

Древнетюркский язык испытывал влияние многих языков, в том числе хуннского, сяньбийского, ухуаньского. Он, в частности, заимствовал из них слова. Естественно, они в нём подвергались языковым изменениям – прежде всего фонетическим. Например, в древнетюркском языке конечный согласный звук [p] в заимствованных из хуннского, сяньбийского, ухуаньского языков односложных словах перешёл в согласный звук [z]. А не наоборот, как принято считать. Это фонетическое явление, как известно, называется *ротацизм* (от названия греческой буквы ρ «рота»). Из *живых* тюркских языков исторический переход [p] в [z] не коснулся только чувашского. Объясняется это тем, что чувашский язык по своему происхождению восходит не к древнетюркскому, а к хуннскому (гл 1 §1.9), и как таковой он сохранил некоторые его фонетические черты, в том числе ротацизм. Проиллюстрируем сказанное на следующих примерах: чув. *пӑр* «лёд» ~ др.-тюрк. *buz* ~ тат. *боз*, чув. *кӗр* «осень» ~ др.-тюрк. *küz* ~ тат. *көз*, чув. *хор/хур* «гусь» ~ др.-тюрк. *gaz* ~ тат. *каз*, чув. *хӗр* «девочка, девушка, незамужняя женщина» ~ др.-тюрк. *giz* ~ тат. *кыз*, чув. *сӗр* «очищать, процеживать» ~ др.-тюрк. *süz* ~ тат. *сөз*, чув. *тир* «ставить в ряд, нанизывать» ~ др.-тюрк. *tiz* ~ тат. *төз* и другие.

Ротацизм тюркологи и алтаисты рассматривают параллельно с *ламбдаизмом/ламбдацизмом* (от названия греческой буквы λ «ламбда»), суть которого состоит в том, что в ряде древнетюркских и современных тюркских слов на месте чувашского интервокального (занимающего позицию между двумя гласными) и ауслатного (конечного звука корня, основы слова) звука [l] выступает [š], например: чув. *алӑк* ≈ др.-тюрк. *ešik* ≈ тат. *ишек* «дверь»; чув. *хӗл* ≈ др.-тюрк. *giš* ≈ тат. *кыш* «зима»; чув. *кӗмӗл* ≈ др.-тюрк. *kiimiš* ≈ тат. *көмеш* «серебро» и другие.

Исследователей интересовал и интересует вопрос, что же было первичным: *r* или *z*, *l* или *š*. Мнения разделились: одни считают, что первичными были *r*, *l*, другие – *z*, *š*. Автор данного исследования разделяет точку зрения Л. Лигети (1902—1987; Венгрия), согласно которой «чувашский (язык. – Л. Ф.) удерживал без изменений прототюркское (пратюркское/дунхуское. – Л. Ф.) состояние и что в других тюркских языках *z* и *š* были инновациями» [Лигети, 1971, с. 22].

Ротацизм и ламбдаизм/ламбдацизм отличают чувашский язык от древнетюркского и других *живых* тюркских языков. Они унаследованы им от хуннского языка, хуннским – от пратюркского (дунхуского) и являются их родимыми пятнами. В таком случае, древнетюркские слова, в которых на месте чувашского конечного *-p* выступает *-z*, на месте интервокального и ауслатного *l* – *š*, следует считать хуннизмами.

В этой связи не лишним будет заметить, что у хуннов понятие писать обозначалось словом *сыр* (гл.1 §1.8). В других тюркских языках оно обозначается словами *йаз* (древнетюркском), *яз* (в уйгурском, азербайджанском, туркменском, турецком, гагаузском, татарском, башкирском, ногайском), *ёз* (в узбекском), *жаз* (в киргизском, казахском, каракалпакском), *джас* (в карачаевском), *суруй* (в якутском) [Егоров В. Г., 1964, с. 225]. Якутское *суруй* «писать» отдалённо напоминает монгольское *зиру* «рисовать» и чувашское *сыру* «письмо».

Глава 3

Хуннизмы в языках Западной Сибири и Крайнего Севера

Западная Сибирь. Тюменская область

3.1. Хуннизмы в языке тобольских татар

Прежде рассмотрим, как северные хунны оказались в Юго-Западной Сибири. Выше говорилось (гл. 2 §2.3), что они в конце I в. н.э. терпели одно поражение за другим и что тогда хунны стали уходить в разные стороны, часть их ушла в сторону Юго-Западной Сибири. Продвигались хунны по рекам, которые ныне называются *Бия* и *Катунь*; при их слиянии берёт начало река Обь. Когда сяньбийцы окончательно разбили северных хуннов (50—60-е гг. II в.), часть их также ушла в Верховье Оби. По-видимому, во второй половине II в. хуннов там было достаточно много. Назовём этих потомков восточно-азиатских хуннов *верхнеобскими сыпарами/сыварами*. М. П. Грязнов пишет: «Начиная примерно со II в. н.э. весь внешний облик археологических памятников на Верхней Оби резко изменился, появилась и начала развиваться культура, *принесённая извне* (курсив наш. – Л. Ф.)» [Грязнов, 1956, с. 99]. Речь идёт о *верхнеобской археологической культуре*, которая простиралась от реки Томи (правый приток Оби) до верховьев Оби [Чернецов, 1953б, с. 223, 240]. В её формировании, думается, приняли участие явившиеся из монгольских степей северные хунны. С приходом нового этноса наступил переломный момент в истории древних племён Верхней Оби, о чём пишет М. П. Грязнов [Грязнов, 1956, с. 99].

* * *

Продвигаясь вдоль Оби и Томи верхнеобские сыпары/сывары дошли до современного города Томска (основан в 1622 г. на правом берегу Томи, в 60 км от её впадения в Обь), постепенно распространились на восток до реки Чулым (правый приток Оби протекает по территории Красноярского края и Томской области – Российская Федерация), на запад до правого берега Иртыша (в районе современного города Омска) и, вероятно, приняли участие в формировании *чулымской археологической культуры*. Она занимала территорию от правобережья Иртыша до Чулыма, вплоть до Ачинска [Чернецов, 1953б, с. 223, 240]. (Город Ачинск расположен на правом берегу реки Чулым, в западной части Красноярского края).

В бассейне Чулыма живут чулымцы, или чулымские тюрки, чулымские татары (самоназвание *шос кижилер* «чулымские люди», *пестын кижилер* «наши люди»). Они среди западно-сибирских татар составляют «своеобразный, так называемый чулымский (расовый. – Л.Ф.) тип» [Газимзянов, 2001, с. 38]. Их язык, согласно исследованиям Р. М. Бирюкович, является самостоятельным тюркским языком; в силу географической изоляции *чулымско-тюркский* язык, как утверждает Р. М. Бирюкович, сохранил в своём строе архаичные черты [Бирюкович, 1979; Она же: 1979—1981; Она же: 1984; Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 586—587]. На западе Новосибирской области (Российская Федерация) живут барабинские татары (самоназвание *параба, бараба*). Кстати сказать, сохранилось предание, в котором сообщается, что в барабинской степи в своё время обитал и народ *сыбыр* [Миненко, 1975, с. 18—19].

Верхнеобские сыпары/сывары были обособленным этносом, со своей территорией; они, видно, участвовали в этногенезе чулымских, томских и других западно-сибирских татар. Языки их, разумеется, контактировали, а следовательно, взаимодействовали.

* * *

Потомки верхнеобских сыпар/сывар, продвигаясь вдоль рек Большой Тайтым, Малый Тайтым, Туя, Иртыш, дошли до района нижнего течения Тобола и среднего течения Иртыша. До этих же мест после распада сяньбийской державы (середина IV в.), продвигаясь вдоль рек

Ишим и Тобол, дошла и часть осяньбившихся северных хуннов. Здесь и те и другие, как увидим ниже, стали известны под собственным именем своих далёких предков – *сыпар/сывар*. Назовём их тобольскими *сыпарами/сыварами*. Да и область по нижнему течению Иртыша, согласно венгерскому исследователю Д. Немету, называлась *Zapar (Savar, Sabir)* [Németh, 1928, S. 81—88].

* * *

О жизни тобольских сыпар/сывар мало что известно. В первой половине XIII в. их покорили монголы. В монгольской хронике 1240 г. сообщается, что «лесные народы», попавшие под власть монгольских завоевателей, вошли в состав улуса Джучи (Джочи) и что среди них был и народ *шибир* [цит. по: Козин, 1941, с. 175], т.е. тобольские сыпары/сывары. Некоторые исследователи считают, что их имя – фонетический вариант слова *сибир*. Но этноним *шибир* монгольской хроники 1240 г. не имеет никакого отношения к монгольскому *шибир* – «низина, кусты, лес, чаща, мочаг» [Попов, 1973, с. 145], *шевер* – «болота» [Окладников, 1981, с. 14], *шивир*, *шибер* – названия многочисленных рек и зарослей вдоль берегов реки в Монголии [Вяткина, 1935, с. 93]. Монгольское *шибир* и название завоёванного монголами лесного народа *шибир* – омонимы, возникшие в результате звукового совпадения своего (в данном случае – монгольского) и заимствованного слов (ср.: русское *брак* – «замужество» и немецкое *брак* – «вещь с изъяном», русское *норка* – от *нора* и финское *норка* – «зверёк» и др.).

* * *

Тобольские сыпары/сывары составляли особую этническую общность до 90-х гг. XV в. Архангелогородский летописец передаёт, что весной 1484 г. в Москву вместе с вогульскими (мансийскими) и югорскими (хантыйскими) князьками приехал и *сибирский князёк Ляттик* [Устюжский летописный свод... 1950, с. 94]. Из его сообщения следует, что тобольские сыпары/сывары в конце XV в. были независимы и что между ними и вогулами (манси) и хантами существовали племенные различия. Безусловно, они отличались от угорского населения, но отличались не потому, что были в значительной степени тюркизированы, как полагает З. Я. Бояршинова [Бояршинова, 1960, с. 146], а потому, что не были уграми по своему происхождению – тобольские (шире – западно-сибирские) хунны составляли отдельную ветвь восточно-азиатских хуннов [Гумилёв, 1960, с. 241]. Заметим, имя *Ляттик* стоит в одном ряду с такими именами европейских гуннов конца IV – первой половины V в., как *Васих* (Βασίχ), *Курсих* (Κουρσίχ), *Денгизих* (Διντιцик, Денцик), *Верих* (Βέριχος) (гл. 9 §9.9).

Главная ставка тобольских сыпар/сывар находилась в поселении, известном впоследствии под именем *Сибир* (*Каишлык*, *Искер*). Оно стояло на берегу Иртыша – в 16 км выше устья Тобола, там, где протекала речка под названием *Сибирка*. (По данным В. М. Флоринского, название *Сибирка* носили несколько речек Тобольской губернии [Флоринский, 1889, т. 1, с. 1—14].) На иртышском берегу (при впадении Тобола в Иртыш) стояло и другое поселение тобольских сыпар/сывар – *Бицик-Тура*, недалеко от которого (в 3 км вниз по течению Иртыша) в 1587 г. был заложен будущий город Тобольск. *Бицик* в названии *Бицик-Тура*, если исходить из предположения о генетическом родстве хуннского и чувашского языков, означает «маленький» (чув. *пёчэк* «маленький (-ая, -ое, -ие)»). (Произношение [ц] вместо [ч] или наоборот – одна из наиболее древних диалектных черт русского языка; оно, в частности, распространено в говорах севернорусского наречия, ср: *лучок* ~ *луцок*, *дочка* ~ *доцка* и др.) В таком случае, *Бицик-Тура* означает «Маленькая Тура», т.е. маленький город, что как нельзя лучше согласуется со статусом Бицик-Туры, ибо вблизи неё находился большой (по тем временам) город Сибир – главная ставка тобольских сыпар/сывар.

Чтобы прокормить себя, тобольские сыпары/сывары занимались рыболовством, охотой, земледелием. Занимались они и коневодством, о чём «свидетельствуют находки в курганах принадлежностей конской сбруи и многочисленные скульптурные изображения лоша-

дей» [Мошинская, 1953б, с. 210]. Большой интерес представляет глиняная моделька седла. «В отличие от известных по археологии кочевников Алтая плоских сёдел, это седло имеет высокую переднюю и заднюю луку. Подобного типа сёдла с высокими луками известны как будто только в материалах Китая эпохи „Шести династий“...» [Мошинская, 1953б, с. 211]. (У древних тюрок сёдла имели низкую переднюю луку [Гумилёв, 1967, с. 68].) Лошади у тобольских сыпар/сывар, по-видимому, были низкорослые. (У древних тюрок лошади были высокие [Гумилёв, 1967, с. 68].) Предположение это основано на сообщении И. Шильтбергера – участника одного из походов Едигея в Сибирь (около 1410 года). Отмечая, что владелец Сибири (князь тобольских сыпар/сывар) подарил Едигею трёх диких лошадей, словленных на какой-то горе, И. Шильтбергер пишет: «...лошади же, живущие на горе, величиною с осла» [цит. по: Алексеев, 1941, с. 52—53]. Это были лошади хуннской породы, ближайшие их сёстры – монгольские, якутские лошади: невысокие, прочными ногами, круглый год пасущиеся в табунах на подножном корме, выдерживающие жестокие морозы.

* * *

В результате взаимодействия тобольских сыпар/сывар с местными племенами сложилась *потчевашская археологическая культура*. Территория её на севере доходит до устья Иртыша, на юге – до низовий Вагая (*Вагай* – левый приток Иртыша) и Ишима (*Ишим* – левый приток Иртыша, протекает по территории Республики Казахстан и Российской Федерации), района Тары (*Тара* – правый приток Иртыша, протекает по территории Новосибирской и Омской областей – Российская Федерация) и Саргатки (*Саргатка* – река в Омской обл., на левом берегу Иртыша); восточная и западная границы остаются пока неясными [Мошинская, 1953б, с. 218]. Единства в датировке этой археологической культуры нет. По мнению В. Н. Чернецова, она «едва ли восходит далее V в. до н.э.» [Чернецов, 1953б, с. 241]. Потчевашская археологическая культура, как установлено, существовала синхронно с *усть-полуйской* (речь о ней впереди). Близость их «совершенно несомненна» [Чернецов, 1953б, с. 221]. Согласно М. П. Грязнову, культуры, сходные с усть-полуйской, надо датировать VII—VIII вв. [Грязнов, 1956, с. 137—138]. Но потчевашская археологическая культура древнее усть-полуйской. Она возникла несколькими веками раньше и была «исходной при формировании усть-полуйской» [Чернецов, 1953б, с. 241]. Иначе и быть не может: не из Нижнего Приобья пришли сыпары/сывары в район нижнего течения Тобола и среднего течения Иртыша, а наоборот, в Нижнее Приобье они пришли из района нижнего течения Тобола и среднего течения Иртыша.

* * *

Среди памятников потчевашской археологической культуры встречаются вещи, хорошо датируемые временем до нашей эры. Например, в числе предметов Истяцкого клада (на Иртыше, в районе рек Тобола и Вагая) оказалось бронзовое литое китайское зеркало периода династии Цинь (249—206 гг. до н.э.) [Чернецов, 1953а, с. 164]. Такое же зеркало обнаружено в Савинском кургане (на левом берегу Иртыша, напротив Тобольска) [Мошинская, 1953б, с. 218]. Но значит ли это, что потчевашскую культуру, среди памятников которой найдены эти зеркала, следует датировать III в. до н.э.? И *да* и *нет*. *Нет*, потому что потомки восточно-азиатских хуннов в район нижнего течения Тобола и среднего течения Иртыша могли принести не только элементы китайской культуры, но и изготовленные китайскими мастерами предметы украшения, туалета и т.п., которые передавались из поколения в поколение. Вещи эти «попадали затем в погребения, клады или жертвенные места» [Грязнов, 1956, с. 137]. Особый интерес в этом отношении представляют бронзовые котлы. Их находили в разных местах Западной Сибири [Талицкая, 1953, с. 253, 254; Чернецов, 1953б, с. 221—222, 226], в том числе в Тобольске (в местности Тырковка в 1894 г. при рытье ямы на глубине 1,77 м) [Талицкая, 1953, с. 268]. Бронзовые котлы, согласно В. Н. Чернецову, «имели культовое значение» [Чернецов, 1953б, с. 222]. В плане данной работы важно не это, а то, что они обнаруживают почти полное сходство по форме с хуннским бронзовым котлом из Ноинулинского

кургана №6 [Руденко, 1962, с. 36, рис. 29]. Один из таких бронзовых котлов, найденный близ Сургута В. Ф. Казаковым, имеется в Тобольском музее [Талицкая, 1953, с. 250]. Сходство их по форме, надо думать, неслучайно. (Между прочим, остатки хуннского, гуннского жертвенного котла найдены и на Каталаунских полях (современная Франция, равнина в Шампани к западу от города Труа и левого берега верхней Сены), где в июне 451 г. состоялось генеральное сражение между гуннами Аттилы и римлянами, визиготами. Есть такой котёл и среди артефактов музейного комплекса *Иске Казан* «Старая Казань», что находится примерно в двух км от городища Старая Казань (Республика Татарстан, Российская Федерация.) Кроме того, наблюдается «близость ушастых кельтов тобольского типа с северокитайскими, относящимися к позднечжоускому и ханьскому времени», «сходство потчевашских прорезных блях с китайскими ханьского времени» [Чернецов, 1953б, с. 241]. Все эти элементы китайской культуры в район нижнего течения Тобола и среднего течения Иртыша принесли потомки восточно-азиатских хуннов.

* * *

Из памятников потчевашской археологической культуры «особенно замечательно Чувашское городище на Чувашском мысу близ Тобольска» [Краткий путеводитель..., 1918, с. 64]. «Название Чувашский мыс, – писал М. С. Знаменский, – некоторые приписывают тому, что будто во времена Кучума на этом мысу жили Чуваши» [Знаменский, 1901, с. 17]. П. А. Словцов (1767—1843; Россия) – самое крупное после Г. Ф. Миллера имя в сибирской историографии – не разделял этого распространённого мнения, утверждая, что чувашей не было видно в бытиях сибирской истории [Словцов, 1834, с. 29]. Чувашское городище на Чувашском мысу (речь идёт о Бицик-Туре – поселении тобольских сыпар/сывар) называется также *Потчеваши*, а мыс – *Потчевашским*. Согласно П. А. Словцову, *под чувашии* на остятском (хантыйском) языке значит «селение прибрежное» [Словцов, 1834, с. 29]. По мнению В. И. Мошинской, название *Потчеваши* следует понимать как *Печвож* – «Олений город» (из хантыйского: *печ* ~ *пеш* «олёненок», *вож* «город» [Мошинская, 1953б, с. 189]. И всё же название *Потчеваши*, скорее всего, восходит к русскому *под чуваш* (*и*) (в произношении *потчуваши*, *потчеваши*). Оно образовано по модели «предлог *под* плюс существительное или прилагательное»: *Подкаменка*, *Подгорное*, *Подлесное* и т. д. Если это так, топоним *Потчеваши* естественно связывать с этнонимом *чуваши*, тем более что его носители (вопреки П. А. Словцову) во времена Кучума жили в районе Тобольска. Этот факт засвидетельствован Кунгурской летописью. В ней сообщается: «Ст. 24. Во второе лето ехав Кучюм в Казань (а власть он захватил в 1563 г. – Л.Ф.), и дочь казанского царя Мурата взял в жену и с нею *многих чюваши* (курсив мой. – Л.Ф.) и абыз и руссаго полону людей, и приехав на Сибирку, пребываше славно» [Краткая Сибирская летопись..., 1880]. У Кучума было много жён. В той же Кунгурской летописи читаем: «Ст.25. Розсадив царь Кучюм жен своих больших во близких местах, взял дочь у Давлетима мурзы и пребывав ей устроив близ градского места, на Паньине Бугре; другой же на Сузгунском мысу, имнем Сузге. По той жене и город зовом Сузга; ныне же слово Сузгун то место (в 6 км от Тобольска. – Л.Ф.), и ездиса к ним по пятницам» [Краткая Сибирская летопись..., 1880]. Вполне возможно, что дочь казанского царя Мурата, одну из своих жён, и чуваш, привезённых с нею, Кучум определил жить на мысу, получившем впоследствии название *Чувашиского*, и где жили потомки тобольских сыпар/сывар. К тому времени, когда струги Ермака вошли в воды Иртыша (октябрь 1582 г.) на Чувашском мысу уже мог стоять укреплённый чувашский городок, о чём и сообщают письменные источники.

Чуваши и после разгрома Сибирского татарского ханства бывали в Тобольске. Так, в 1661—1662 гг., т. е. через сто лет после того, как Кучум привёз в Сибирь чувашей из Казанского ханства, из 34 пришедших в Тобольск торговых, служилых и прочих людей 10 были чувашы [Вилков, 1968, с. 65, табл. 2]. С известной долей вероятности можно допустить, что торговые связи чувашей с западно-сибирскими народностями существовали и до 1661 г. и после 1662 г.

(На страницах Ремезовской, Есиповской и Строгановской сибирских летописей упоминаются такие, например, топонимы, как *Чуваишская гора*, *Чуваишский городок*, *Чуваишский град*, *Чуваишево*.)

* * *

В самом конце XV в. тобольских сыпар/сывар завоевали татары, основали на их землях свой юрт и дали ему название *Сыбыр Юрт* (Сибирское ханство) – по собственному имени тобольских хуннов и их державы (страны). С этого времени тобольские сыпары/сывары навсегда потеряли свою самостоятельность, свободу и независимость, постепенно забыли своё имя, этническую историю, культуру, перешли на татарский язык и отатарились. Но память о них сохранилась. Так, в фольклоре тобольских татар (самоназвание *тоболик*, *табулык*) С. К. Патканов выявил предания о народе *сывыр* или *сыбыр*. «Предания эти, – писал он, – настолько распространены среди тобольских татар, что невольно удивляешься, каким образом они могли ускользнуть от внимания учёных, изучавших данный край. Этому народу, – продолжает он, – татары приписывают бóльшую часть всех находящихся в их областях археологических памятников, каковы городища, курганы и т. д. Первые у них весьма часто именуются словом *сывыр-кала*, вторые – *сывыр-туба*» [Патканов, 1892, с. 129]. В речи тобольских татар этноним *сытар/сывар* претерпел ряд фонетических изменений. Во-первых, глухой звук [n] в *сытар* озвончился: произошла ассимиляция по глухости/звонкости. Во-вторых, по закону сингармонизма (когда гласный звук первого слога повторяется и в остальных слогах, например: чув. *качака* «коза», тур. *ышылыты* «блеск, сияние» и т.д.) гласный звук нижнего подъёма [a] в *сытар/сывар* перешёл в гласный звук верхнего подъёма [ы] – произошло единообразное вокалическое оформление этнонима: *сыбыр*. От его фонетического варианта, согласно С. К. Патканову, образовалось географическое название *Сибир* (ь). И это действительно так. (Этимология слова *сибирь* подробно рассмотрена в [Филиппов, 2010; Он же: 2014, с. 105—111].) Попутно заметим, практически те же самые фонетические изменения произошли с самоназванием хуннов, гуннов на Среднем Днепре, где оно стало функционировать в качестве гидронима *Сибирь*. (Так называется один из левых рукавов Днепра – гл. 10 §10.2).

Были и переносы названия *Сибирь* на другие географические объекты. Например, в XIX в. местность на стыке Вельского уезда Смоленской губернии и смежных уездов Тверской губернии называлась *Сибирью*. По данным А. И. Попова, «здесь было место ссылки для окрестных крестьян огромной здешней вотчины помещиков графов Шереметьевых, причём одна из деревень для ссыльных получила даже официальное наименование Сибирь» [Попов, 1964, с. 34]. Место ссылок с названием *Сибирь* было и в Средней Азии: туркмены закаспийской области называли *Сибирью* полуостров Мангышлак [Академик В. В. Баргольд, 1964, т. 2, ч. 2, с. 398]. Даже был образован глагол *Сибирь қилмоқ* – «ссылать» [Караев, 1966, с. 73]. Причиной возникновения упомянутых названий явилось то обстоятельство, что Сибирь издавна считалась местом ссылок. Такого же мнения была и часть западно-европейских авторов. Например, Г. А. Шлейсинг (ок. 1660 г. – после 1694 г.) в первой главе своего сочинения, озаглавленной «О Сибири и о том, откуда пошло её название», писал: «...страна *Siveria*, а не *Sibyrta*, как её называют некоторые историки, была прежде суровой и дикой страной, в которой не было никого кроме преступников, присужденных ловить там соболей...» [цит. по: Алексеев, 1941, с. 467]. Дипломатический агент французского правительства, посетивший Москву во второй половине 1689 г., Де-ла-Невилль в «Изложении рассказов Спафария о путешествии в Китай и торговле с этою страной» ... рассуждает: название *Сибирь* «на славянском языке значит тюрьма, так как этот жестокий по природе властитель (русский царь Иван Грозный. – Л.Ф.) посылал в эту область..., всех, кто лишался его милости» [цит. по: Алексеев, 1941, с. 508]. Спустя два столетия Н. Д. Сергеевский писал: «Сибирь населена была в значительной степени преступниками и даже можно сказать почти исключительно ссыльными и опальными. Недаром

иностранцы думали, что даже само слово „Сибирь“ означает на русском языке место заключения преступников» [Сергеевский, 1888, с. 250].

Тобольские татары составляли и составляют часть более широкой этнографической группы – *сибирские татары*. Язык западно-сибирских татар, бесспорно, испытал влияние языка потомков восточно-азиатских хуннов. Он, по Д. Г. Тумашевой, представляет собой совокупность трёх диалектов (тоболо-иртышского, барабинского и томского) и их говоров [Тумашева, 1965, с. 145]. В ходе исторического развития определённое влияние на него оказал язык пришлых из европейской части страны татар (их переселения в Западную Сибирь происходили начиная с XVI в.). По данным Д. Г. Тумашевой, влияние татарского литературного языка более всего испытал диалект томских татар; из пяти говоров тоболо-иртышского диалекта (тюменский, тобольский, заболотный, тевризский и тарский) близость к татарскому литературному языку обнаруживают тюменский и тевризский [Тумашева, 1965, с. 145]. Тобольский говор (язык тобольских татар) более сохранил особенности, восходящие к языку тобольских сыпар/сывар. Одной из них является употребление глухих согласных звуков [n], [c], [m] вместо ожидаемых [b], [z], [d], например: *пулма* «комната», *син* «способность», *тус* «друг» [Юшков, 1861]. (Ср. также *параба* и *бараба* – фонетические варианты самоназвания барабинских татар; шорцы (дореволюционное название – *кузнецкие татары*; живут на юге Кемеровской области – Российская Федерация) весенне-летний праздник называют *пайрам*, а не *байрам*). Аналогичное звуковое явление наблюдается в чувашском языке, в котором практически до XX в. не было звонких согласных – были так называемые *полузвонкие*. Так, русские слова *год*, *дуб*, *жизнь* в чувашской речи звучали как [кот], [тун], [шис'н'ь]. Совпадают у тюрков Сибири и чувашей названия некоторых деревьев, например, *xir* «сосна», *^эv^эс* «осина» [Левитская, 1966, с. 27]; «явно прослеживается в языке западно-сибирских татар» система образования глагольных времён, сходная с системой образования глагольных времён в диалектах «азербайджанского языка северной и восточной части Азербайджана» [Гаджиева, 1979, с. 241]. Н. З. Гаджиева задаётся вопросом: «Не оторвались ли предки западно-сибирских татар от тюркоязычного массива, представленного некогда в бассейне Волги такими языками, как болгарский, чувашский и хазарский?» [Там же]. Да, оторвались, но не от тюркоязычного, а от хунноязычного массива, о чём свидетельствует изложенный в данном параграфе исторический материал. Совпадение у сибирских татар и чувашей названий некоторых деревьев (Л. С. Левитская), сходную систему образования глагольных времён в языке сибирских татар и диалектах азербайджанского языка северной и восточной части Азербайджана, очевидно, следует рассматривать как наследие языка потомков восточно-азиатских хуннов.

3.2. Хуннизмы в хантыйском языке

Полагают, что предки хантов (самоназвание *хантэ*) в далёком прошлом «жили в бассейне Оби и Иртыша от Барабинской степи до Обской губы, от Енисея до Урала, заходя и на западные склоны Урала» [Соколова, 1982, с. 44]. Их иначе называли *остяки*, *югры/югры*. Ныне ханты проживают на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области Российской Федерации (см. карту 2 *Западная Сибирь. Тюменская область*). Одни из них (северные) именуют себя *χánti* (*хантин*) или *χantэ* (*хантэ*), другие (восточные) – *қantəу* (*кантэх*) или *қantəқ* (*кантэк*) [Терёшкин, 1966, т. 3, с. 320], третьи (южные) – *χandə* (*хандэ*) [Karjalainen, 1967, II, I, s. 238].

О происхождении и значении этнонима *остяк* высказано несколько предположений. Согласно одному из них он образовался от имени хантов, живущих по реке Оби, которые называли себя *ас јах/йӓх*: *ас* – название реки Обь, *јах/йӓх* «народ, люди». Стало быть, *ас јах/йӓх* означает «обский народ, обские люди». Появление в *остяк* звука [т] эта гипотеза не объясняет. З. П. Соколова отмечает, что *Ас* по-хантыйски – это не только Обь, но и Иртыш, и Енисей (т.е. любая большая река), и считает, что *ас-ях* означает «люди (большой) реки» [Соколова, 1982, с. 44]. По мнению А. П. Дульзона, *ас* – древнее угорское слово, потерявшее своё значение, или заимствованное слово [Дульзон, 1961, с. 367].

Что интересно, этимология этнонима *остяк* лингвистически почти безупречно толкуется на материале чувашского языка. Можно предположить, что народно-наименование *остяк* по своему происхождению восходит к чувашскому словосочетанию *аслӓ йӓх*, в котором *аслӓ* означает «большой; старший», *йӓх* – «род; племя»; взятое в целом (*аслӓ йӓх*) – «большой (старший) род; большое (старшее) племя». Форма *ас-* возникла в результате отпадения в *аслӓ* двух конечных звуков, составляющих слог *-лӓ*. В чувашском языке фонетическое явление, называемое *апӓкопа*, наблюдается часто при образовании сложного слова на базе словосочетания, например: *аларман* из *алӓ арманӓ* «ручная мельница», *асатте* из *аслӓ атте* «большой, или старший отец» (дедушка по отцу), *асанне* из *аслӓ анне* «большая, или старшая мама» (бабушка по отцу). *Остяк* – это чувашское *ас йӓх* со вставным [т] в русской передаче.

Скорее всего, этноним *ас јах/йӓх* означает «ас люди, ас народ». Известно, что ханты енисейскоязычных аринов называли *а:р-ях* [Дульзон, 1959, с. 107, сн. 22; Он же: 1962а, с. 72]. (Предки аринов когда-то жили в бассейне Средней Оби – по Кети (начиная с устья), Чижапке и Чае [Дульзон, 1962а, с. 72]). *Ар-* в *а:р-ях* – название народа, *-ях* – хантыйское *йӓх* «народ, люди»; следовательно, *а:р-ях* означает «ар народ, ар люди» (гл. 10 §10.4). Аналогична словообразовательная и морфологическая структура этнонима *ас јах/йӓх*: *ас-* название родственных аринам/арам енисейскоязычных ассанов, *јах/йӓх* – хантыйское *йӓх* «народ, люди», *ас јах/йӓх* – «ас народ, ас люди». В своё время они, как и арины, обитали в Южной и Юго-Западной Сибири (гл. 10 §10.4). *Остяк* – это хантыйское *ас јах/йӓх* со вставным [т] в русской передаче.

* * *

Как тобольские сыпары/сывары оказались в Нижнем Приобье? Из района нижнего течения Тобола и среднего течения Иртыша они продвигались (сначала вдоль Иртыша, затем вдоль Оби) всё дальше на север и со временем дошли до Нижнего Приобья. Назовём их *нижнеприобскими сыпарами/сыварами*. Местные племена название *сыпар/сывар*, естественно, произносили по-своему, по возможности сохраняя его фонетический (звуковой) облик. В работе В. Н. Чернецова «Усть-полуйское время в Приобье» читаем: «В фольклоре хантов и манси, равно как и в названиях родов, фамилий и в топонимике, встречаемся с одним именем... Имя это: по мансийски сипыр [š'ipəŋ], сёпыр, супыр, супра; по хантыйски себар [šebar], сопра, шабер. Б. Мункачи (1860—1937; Венгрия. – Л. Ф.) переводит его как „родовое имя“ [nemzetség neve]. К. Папай сообщает, что ему приходилось слышать в районе Салехарда (Обдорска) выра-

жение „шабер му“ – земля Шаберов, а А. Регули, путешествовавший до него в тех местах, указывает на живущих там „шабер маам“ – народ Шабер. Можем добавить к этому наименование родов – „сопра“ – Собрины близ Салехарда, Сёпыр – близ Берёзова... Там же на Иртыше был городок, называвшийся хант. Тяпыр уш, манс. Сёпыр-ус. Имя Супра, Супра, Сёпра очень часто встречается как название селений, речек и урочищ по всему нижнему Обь-Иртышью. Сипыр (сепыр, шапыр, шабыр) выступает как имя прародительницы фратрии мощ, моньть – одной из двух угорских фратрий. Слово „сипыр“ выступает и как синоним имени манси-вогул. Так, в хантыйском имеем: себар хул или манси хул, т. е. „себарская рыба или мансийская рыба“ (елец). В ряде песен территория, обитаемая манси и хантами, именуется как Луи вот асирм Сипыр махум унлын ма... – Северного ветра холодного Сипыр народом населённая земля» [Чернецов, 1953б, с. 238—239]. Как видим, замечание С. К. Патканова, что севернее низовьев Иртыша этноним *сывыр/сыбыр* не встречается [Патканов, 1892, с. 130], не соответствует действительности.

Нет сомнения в том, что встречающиеся в фольклоре хантов и манси, названиях их родов, фамилий, топонимике слова *сипыр, сепыр, суныр, супра, себар, сопра, шабёр, сёпыр, шапыр, сибыр, савыр* – фонетические варианты подлинного имени восточно-азиатских хуннов: *сытар/сывар*. В них преобладают варианты с глухим согласным звуком [n]. Очевидно, так – с глухим [n] – произносили своё имя сами нижнеприобские сыпары/сывары. В некоторых из них отсутствует гласный звук [ы]. Видно, он не был характерным для некоторых языков местных племён. Во всяком случае, в кондинском (южно-мансийском) диалекте мансийского языка гласный звук [ы] «встречается лишь в отдельных словах» [Баландин, Вахрушева, 1958, с. 9].

* * *

В таёжной Северо-Западной Сибири с появлением какого-то «нового этнического элемента, принёсшего с собой иные, совершенно не свойственные лесной полосе навыки», возникла и начала развиваться новая археологическая культура – *усть-полуйская* [Чернецов, 1953б, с. 238]. По утверждению В. Н. Чернецова, территория её «хорошо прослежена от Ангальского мыса, т. е. от того места, где Обь пересекает Полярный Круг, и вверх по Оби до устья Иртыша. К западу от Оби в область усть-полуйской культуры целиком входит бассейн Сев. Сосьвы (*Северная Сосьва* – левый приток Оби. – Л.Ф.) до её истоков у снежных вершин Сев. Урала» [Там же. С. 221].

С приходом этого «нового этнического элемента» в Нижнем Приобье начинает широко распространяться железо, бронза, следов которых в предыдущих культурах пока не обнаружено» [Мошинская, 1953а, с. 106]. «Высокий уровень техники вызвал расцвет материальной культуры. Специализированное военное оружие чуждых Северу форм (клевы, трёхпёрые бронзовые стрелы, мечи и кинжалы сарматского типа) свидетельствует о внесении новых навыков и, вероятно, более высоких форм общественного строя» [Там же]. В. Н. Чернецов отмечает, что «бронзолитейное дело находилось у устьполуйцев на весьма высоком уровне развития» [Чернецов, 1953б, с. 230]. Он обратил внимание на связи «между культурами Обь-Иртышья, с одной стороны, и Южной Сибирью раннеташтыкского времени и Китаем – с другой» [Там же. С. 241].

Об этом в частности позволяют говорить «усть-полуйские тамги, представляющие как будто подражание иероглифам и печатям, сходство с которыми усиливается тем, что некоторые тамги окаймлены картушами», «широкое распространение вытянутого Z-образного меандра, применявшегося в виде самостоятельного орнамента, или бордюра на костяных и бронзовых изделиях» [Там же]. Тамги имеются на различных предметах женского и мужского обихода, обнаруженных в Усть-Полуйском городище (оно находится на правом берегу реки Полуй; она – правый приток Оби, в 3 км ниже от города Салехарда) [Мошинская, 1953а, с. 103].

«Столь же близок встречающийся на усть-полуйской керамике шашечный узор, известный как в китайской орнаментации эпохи Хань, так и в деревянной резьбе таштыкской культуры» [Чернецов, 1953б, с. 241]. «Эти параллели, – пишет В. Н. Чернецов, – могут быть значительно расширены, однако причины, обусловившие появление этих общностей, продолжают оставаться неясными, и выяснение их явится одной из задач дальнейшего изучения савырско-угорских древностей» [Там же].

Возникновение усть-полуйской археологической культуры В. Н. Чернецов связывает с угорскими племенами. Он рассуждает так: поскольку «около I тысячелетия до н.э. степные и лесостепные территории, лежавшие к югу от тогдашней границы западносибирской тайги, были населены древнеугорскими племенами» и поскольку «в дальнейшем на всей лесной территории Нижнего Приобья мы застаём уже полностью угорское население, то естественнее всего допустить, что перелом, обусловивший возникновение усть-полуйской и родственных ей лесных культур, связан с приходом на Север именно угорских групп» [Там же. С. 238]. Всё это, безусловно, логично. Но не менее логично связывать возникновение усть-полуйской археологической культуры с приходом в Нижнее Приобье тобольских сыпар/сывар, а их предки – восточно-азиатские хунны – издавна владели искусством бронзового литья, занимались выплавкой чугуна, а из железа выковывали ножи, удила, наконечники стрел и другие предметы первой необходимости [Руденко, 1962, с. 52, 60]. Они же, надо полагать, принесли в Нижнее Приобье усвоенные ещё их предками элементы китайской культуры. В. Н. Чернецов, между прочим, допускает, что вместе с угорскими племенами в формировании усть-полуйской и родственных ей лесных культур участвовали и савыры (т. е. нижнеприобские сыпары/сывары); правда, он их сближает с угроязычными народностями [Чернецов, 1953б]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.